

Башня из слоновой кости

часть первая
Подполье

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Никита Кокарев

Никита Андреевич Кокарев
Башня из слоновой кости.
Часть первая. Подполье

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67677473

SelfPub; 2022

Аннотация

Роман в трех частях, повествующий о молодом писателе Викторе, открывшем формулу настоящей любви, путь к которой лежит через разврат и пошлость. Доказывая свои идеи на практике, Виктор не замечает, как в круговерти жизни забывает своё предназначение и теряет себя и свой идеал в омуте собственной теории.

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Пролог	4
Часть первая. Подполье.	15
Глава 1. Ещё шотов!	16
Глава 2. Весёлая педагогика.	38
Глава 3 Апоэты.	51
Глава 4. Под сенью девушек в цвету.	61
Глава 6. Девушки не любят эгоистов.	68
Глава 7.	75
7.3 Грибной дождь.	93
Глава 8. Адвокат дьявола.	96
Глава 9. Чёрный принц.	103
Глава 10. Рок-н-Ролл мёртв.	109

Никита Кокарев

Башня из слоновой кости.

Часть первая. Подполье

Пролог

Уже который раз, день Виктора начинался, не с кофе, утренней зарядки или других залогов продуктивного дня, а с ощущения полной бессмыслицы. Ему давно всё надоело, и больше всего его творчество.

Роман «Пламя и Тень», который юноша писал уже год, подвергся отчаянной критике, со стороны его преподавателя, которого он так уважал. Это было два месяца назад. Но та боль, которую он испытал при прочтении «рецензии» на своё детище, не утихала. Когда он садился за работу, он словно ощущал присутствие, этого человека. Слышал в себе его голос. «Скучные диалоги», «Банальность сюжета», «У тебя нет таланта». Юноша с раздражением закрывал ноутбук и говорил себе, что завтра продолжит. Но, как вино превращается в уксус, так и «завтра», превращалось, в очередное завтра.

Но сегодня у него было оправдание не писать – день рождения его подруги. Ей исполнялось двадцать один.

Юноша специально поздно встал с кровати, чтобы свобод-

ного времени было меньше. Ему необходимо было поехать в книжный магазин, чтобы купить подарок, найти открытку, а это было делом непростым, ввиду щепетильного отношения подруги к открыткам и успеть вовремя, встретиться со своей девушкой. Если он опоздает хоть на минуту, то она вновь устроит скандал, примешивая к его непунктуальности, почти все ошибки, совершённые им за все три года их отношений.

Встав с кровати, он начал совершать своеобразный, ежедневный ритуал – во время чистки зубов, проверял свои глаза, на наличие мешков под ними. В детстве, у него была чрезвычайно бледная кожа, а под глазами всегда были мешки, похожие больше на синяки, причём эти два явления, подчёркивали болезненность друг друга. Уже долгое время, юноша плохо спал, и каждое утро боялся, появления, теней, вокруг глаз. Но ничего не было. Кожа здорового цвета. Никаких дефектов.

Затем он шёл в душ, и тщательно мыл, свои длинные волосы, которыми так гордился. Они были мягкими и шелковистыми, что вызывало зависть, не только мужчин, но и некоторых девушек.

После душа, юноша, долго сушил предмет своей гордости, и делал укладку. Затем долго завтракал, скрашивая тишину кухни, видеороликами на YouTube.

И так было каждое утро, пока шли зимние каникулы.

Но этим утром, даже ритуалы, превращались испытания.

Зубная паста закончилась, и Виктор минут пять искал новый тюбик. Шампунь, стоявший в душевой кабине, так же предательски закончился, и юноше, успевшему привыкнуть к струям горячей воды, пришлось, дрожа от холода, бежать в родительскую комнату, где лежал новый флакон, по холодному полу своего дома.

Во время сегодняшнего завтрака, видеоролики казались какими-то глупыми и не смешными. Издав тяжёлый вдох, он заблокировал телефон, и молча пережёвывал, яичницу.

Одеваясь и проверяя, выключил ли он свет во всех комнатах, Виктор расслабился. Он предвкушал сегодняшний вечер. Светская посиделка, в арендованном помещении торгового центра, должна была пройти весело.

Виктор вышел вовремя, и бодрой походкой направился к автобусной остановке. Идти медленно зимой, в городе, где он жил, было вернейшим залогом, замёрзнуть, не дойдя даже до остановки.

Около новостройки, возвышавшейся, над частными двухэтажными домами, характерными, для того района, поджав хвост, и жалобно смотря, на прохожих сидела бездомная собака.

– Прости собака, сегодня я не взял тебе еды, – сказал Виктор собаке.

Ему показалось, что животное, смотрит, ему прямо в глаза с укором.

Юноша прошёл пару шагов, затем остановился, и раздра-

жённо вздохнул.

– Чёрт бы побрал мою жалость, – сказал он себе под нос, и пошёл обратно домой, чтобы принести еду бездомной собакой.

– Хотел бы я быть жестоким, и не жалеть всё и вся, – сказал он собаке, глядя как она жадно поглощала кашу, принесённую Виктором.

– Смотри пакет не съешь, – сказал он животному на прощание.

Из-за проявления доброты, юноша опоздал, на свой автобус, и пятнадцать минут простоял на морозе. Не чувствуя пальцев на руках и ногах, он ехал в автобусе, под рычание тяжёлого металла в своих наушниках.

– А ведь и мне скоро двадцать, – думал юноша, бредя по торговому центру, – двадцать лет. И чего я добился? Только всё порчу. Люди в двадцать уже приобретают популярность, их книги становятся бестселлерами, а я год не могу книжку написать. К юбилею я должен закончить роман.

Найдя, что он искал, юноша вышел из торгового центра, на улицу, скрытую пеленой тумана. Казалось этот туман, проникает сквозь одежду под ребра, обдавая холодом, твои внутренности и пожирая мир вокруг.

Открытка казалась ему забавной. Она была детской, что служило невинной шуткой, над тем, что его подруга в свои двадцать выглядела на пятнадцать. Это была самая распространённой шуткой в их компании – Виктор, Алина, и Мари-

на, его девушка.

На встречу с Мариной он опоздал. Они договорились встретиться за час до мероприятия, около её дома, чтобы вместе пойти.

– Ты опоздал, – начала она говорить, злым голосом, демонстративно переминаясь с ноги на ногу, чтобы показать, как она замёрзла, – ты постоянно опаздываешь. Почему ты такой рассеянный Виктор? Мы же опоздаем.

– У нас ещё час, а идти минут тридцать. Опять придём на полчаса раньше, и будем сидеть.

– А вдруг что-то случится, – она начала кричать.

– Что случиться, Рагнарёк? – не удержался, и вскричал в ответ юноша.

– Чего? – протянула Марина. К огорчению Виктора, Марина совсем ничего не знала о скандинавской мифологии, в которую юноша влюбился с первых строк Старшей Эдды.

– Ничего, пошли уже.

Как и предсказывал Виктор, пришли они на тридцать минут раньше. Влюбленные сидели в торговом центре, где их подруга сняла помещение, и молчали.

– Тебе настолько со мной скучно?

– Нет, просто задумался, – солгал юноша. Он понимал, что отношения давно уже развалились. После того, как Марина простила, ему измену, их чувства заиграли новыми красками, но и они уже поблекли. Он хотел её бросить, но боял-

ся. Боялся одиночества и боялся сделать ей больно. Он понимал, что она будет убиваться, рыдать, может быть даже, предпримет демонстративную попытку самоубийства. Жалость к ней, давно вытеснила, остальные чувства. Да и слоняться в одиночестве, по университету, во время перерывов, как это было на первом курсе, до её поступления в тот же ВУЗ, желания не было.

– Я просто задумался.

От тягостного разговора их спасла виновница торжества, пришедшая за десять минут до назначенного времени. Праздник почти начался.

Всё, чего ждал Виктор, так это начала застолья, а именно начало распития спиртных напитков. Всего в помещении, было пятнадцать человек. И только пять из них знакомые юноши. Он очень волновался – стеснительный по натуре, он не любил незнакомые компании, а Алина как на зло общалась в основном с ними.

К компании присоединились две подгруппы Виктора и Алины. В стенах учебного заведения, юноша не очень хорошо общался с ними, но сейчас, знакомые лица, были для него спасением.

– Я поболтаю с ними, – шепнул он с Марине, и пошёл к девушкам.

Они поговорили, о вечных проблемах студентов, обсудили ненавистного куратора, гадали, какое расписание будет в

новом семестре. Затем юноша пошёл к своей пассивности.

– Наговорился? – спросила она, уклоняясь от поцелуя в щёку, – я тут одна сижу, а ты с бабами общаешься.

– Я хотел поговорить с одногруппницами, – раздражённо ответил он, но тут же понял, суть упрёка, – хватит уже меня ревновать.

– Хватит давать мне поводы.

– Я же не ревновал, когда ты ходила в кино с Виталей.

– Потому что тебе всё равно на меня. Всё, закрыли тему.

В этом была доля правды. Виктор, хотел, чтобы Марина сошлась со своим новым другом, что избавило бы его от тяжкого бремени бросить свою девушку.

Наконец все гости собрались, и Виктор стал открывать вино. Он воткнул штопор не по центру пробки, из-за чего, свет увидела только одна её половина, а другая осталась в бутылке.

– Тебе помочь? – спросил кто-то из гостей.

– Нет, – вежливо ответил юноша, хотя в душе его, всё кипело.

– Давай откроем другую бутылку, – спокойно сказала Алина. Потом, когда разопьёт эту, будем весёлые, – она щёлкнула средним и указательными пальцами по шее, – и сама, как-нибудь, откроется, – весело прибавила она.

Но её весёлый тон, не помог Виктору. От стыда, он хотел провалиться сквозь землю. На глазах у такого количества людей он опозорился.

Конечно, в такой оплошности не было ничего страшного, но юноша всегда болезненно переживал незначительные ситуации.

– Даже вино не можешь открыть, – пристыдила его Марина.

– Пробка была плохой, – прошипел от злости Виктор. Затем он встал, чтобы взять подарок Алине, и незаметно сунул открытку в портфель. Теперь, эта забавная открытка, казалась ему чрезвычайно нелепой.

Праздник был скучен. Гости разбились на компании, и каждый говорил о своём. Виктор, обычно болтливый, почти ничего не говорил, и много пил. Встав, чтобы отойти в туалет, он почувствовал, что уже пьян, но ему хотелось ещё. После посещения уборной, он взял куртку, и вышел на улицу, чтобы покурить. От вина и сигареты, настроение его повысилось, и в арендованное помещение он зашёл уже весёлым.

Позабыв страх, юноша стал душой компании, и связал всех гостей. Праздник стал налаживаться, что было видно по одному только благодарному взгляду Алины.

– Слушай, Виктор, – а когда, наконец ты подстрижешься? – задала ему вопрос одноклассница, тайно питавшая симпатию к юноше.

– В моих волосах моя сила. Я как Самсон, – сказал он со смехом.

Всем эта шутка пришлась по душе, особенно девушкам,

что совершенно не понравилось Марине.

По её мнению, Виктор был слишком обходителен с ними. В пьяном состоянии, она не придавала значение тому факту, что он всегда был обходителен с девушками из-за воспитания.

Виктор снова пошёл в туалет, где образовалась очередь. Последняя была как раз-таки та одnogруппница. У них завязалась довольно милая и пустая беседа. Девушка похлопала его по плечу, что было знаком, для чего-то большего, но внезапно одернула руку. Виктор оглянулся и увидел за спиной Марину. Хоть он ничего не испытывал к своей знакомой, и даже не придавал значения руки на своём плече, ему стало стыдно. После стыда он вновь почувствовал, едкую жалость, отравляющую душу. Два этих чувства, он ненавидел в себе, но ничего не мог изменить.

Глаза, своей девушки, на которые наворачивались слёзы, ознаменовали собой окончание праздника, и необходимость уходить с вечеринки, для выяснения отношений.

Виктор был в бешенстве. Амбивалентность чувств, лишь распяляла его. В тот момент, когда Марина разрыдалась в туалете, он возненавидел её. Ему хотелось ударить её, разбить ей нос, но при этом обнять и пожалеть. В эти мгновения, он окончательно перестал верить во что-либо. Жизнь, стала казаться ему пустой, ничтожной и жалкой. Слова Ницше, Шопенгауэра, Толкина, и других его кумиров роились в голове, показывая тот разрыв Идеального Виктора – отваж-

ного и великого писателя, от Виктора реального – жалкого, трусливого подкаблучника.

В такси ехали молча. Наконец, она вышла у своего дома, и Виктор, в одиночестве, доехал до своего.

Тихо, чтобы не разбудить родителей, он зашёл в дом. Раздевшись, он увидел, что из его пиджака лезет какая-то нитка. Взяв с держателя для ножей один, он внезапно остановился. Сняв с себя всю одежду, но юркнул в свою комнату, сжимая рукоять ножа так крепко, что пальцы побелели.

Вытянув правую руку, он стал сжимать и разжимать кулак, чтобы вены, вздулись, и были лучше видны.

Он приставил нож к вене. К горлу подступил ком. Юноша уже месяц думал о самоубийстве, но никак не решался. Жизнь виделась ему лишь предприятиям, не окупающим себя. «Мы никогда не узнаем истины. Человек существо с врождённым, крайним субъективизмом. Явления сами по себе имеют свою истину, истину внутри себя, но человек видит лишь своё восприятие, а не явления сами по себе. Каждое явление в таком случае, вещь в себе», думал написать юноша, в качестве предсмертной записки. Оправдания его трусости.

– Господи, неужели я действительно это сделаю, – прошептал юноша и начал рыдать. Он лежал в постели, и сжимал в руках простынь, кусал подушку, лишь бы не издавать ни звука. Ведь если родители проснутся, то увидят совершенно

недвусмысленную картину – их рыдающий сын, с ножом в руке.

Его страшила неизвестность. В частности, ад. Хотя он давно отбросил православие, но ортодоксальное воспитание, давало о себе знать.

Уняв дрожь в руках, он сильно прижал лезвие ножа к вене. От вечного покоя, его отделяло одно движение кисти.

Часть первая. Подполье.

«Подполье» – это потайные углы ума и совести, где совершается разложение духа, оставшегося без нравственного идеала, без твердой меры добра и зла.»

Глава 1. Ещё шотов!

Ресто-бар «Оззи», названный в честь легендарного исполнителя Оззи Осборна, был единственным оплотом рок музыки в сфере общепита в городе. И пусть в этот бар ходило мало людей, но преданность заведению перекрывала собой их количество. Заслуга эта принадлежала исключительно персоналу «Оззи». А именно, старшему бармену Элине, получившей этот статус в свои девятнадцать, арт-директору Питу, и музыканту Владу, работавшему там с момента открытия бара, и играющему нетленную классику русского рока каждую пятницу и субботу.

Сотрудники, обожали свою работу, а посетители обожали этих сотрудников.

Можно было в любое время прийти в «Оззи», сесть за барную стойку, и начать изливать свою душу Элине, жалуйсь на свои проблемы, а та в свою очередь, всегда слушала тебя, утешала, или давала советы. Либо можно было позвать подпитого Пита, и завести околофилософский, околонуточный или околоискусствоведческий, разговор, плавно переткавший в пьяный спор.

Сегодня, в «Оззи», была акция – шесть шотов, за двести рублей. И если в остальных заведениях, в пропорции сока было больше чем водки, то здесь Элина не жалела алкоголя, и вместо сока с водкой, клиенты получали водку с соком.

Именно ради этой акции, в бар пришла группа студентов. Их было четверо. Высокий, худощавый парень, со светло-русыми, короткими волосами. Одет он был просто – красная рубашка, с закатанными рукавами. Следом за ним, шёл среднего роста, полноватый азиат. Он не был толстым, но и худым его нельзя было назвать. С пухлым лицом, и слегка висящими щеками, контрастировало, вполне нормальное тело. Вся его внешность была какой-то забавной. Специально завитые кудри, чёрная водолазка, причём не в обтяжку. В завершении образа, на его груди красовалась цепь.

Две девушки, так же контрастировали между собой, как и парни.

Одна, азиатка, которая могла бы выглядеть очень красиво, если бы вся её одежда, и весь макияж не кричали «Я личность!» «Я не такая как все!»

Тени были нанесены слишком толстым слоем, и больше были, похожи, на стрелки, нарисованные пальцем. На ней была короткая юбка, цветом похожая на шахматную доску, топик, который должен был презентовать большую грудь девушки, и при этом, довольно просторная, легкая ветровка, на пуговицах, которую сев за столик девушка застегнула, тем самым сводя на нет предназначение топика.

Вторая девушка, выделялась, наверное, на фоне всей компании. Она была очень стройной, даже тоненькой. Одетая была, в лёгкое летнее платье, белого цвета в горошек. Короткие чёрные волосы, большие, голубые глаза, смотрели на зал с

интересом, но интересом робким, словно, девушка боялась наказания, за свой интерес.

Компания села, за ближайший свободный столик, и студенты стали ждать бармена. На меню смотрели только девушка в горошек, и кудрявый парень. Одна, потому что не пила ничего связанного с водкой, другой, чтобы сделать вид, что он просмотрел меню, оно ему не понравилось, и только поэтому он будет пить только акционные шоты.

Наконец, когда все определились, с выбором напитков, они жестом позвали бармена, который в «Оззи» был и официантом.

– Что будем брать? – спросила бармен, панибратски. Словно она дружит со студентами, не меньше месяца.

Приняв заказ, Элина развернулась и пошла за барную стойку. Студенты смотрели на неё с удивлением. Никогда ещё, бармен не относился к ним с такой теплотой в голосе, а эта компания обошла множество баров своего города.

Наступила неловкая пауза, которая возникает всегда, когда люди ожидают свой заказ. Наконец принесли напитки, и вечер начинал становиться весёлым.

– Слушай, Андрей? – а как насчёт того, чтобы сыграть в игру кто кого перепьёт? – с задором спросил азиат, парня в красной рубашке.

– Тебя опять будет тошнить Данил, – вскричала на него «не такая как все», – а потом будешь выговаривать всё мне «Маша, зачем ты дала мне столько пить, почему ты меня не

остановила».

От её пародии на друга, всем, включая Данила стало смешно.

– Ну всё, всё, – начал оправдываться Данил, можно подумать я каждый раз блюю.

По «девушке в горошек», было видно, что её слух оскорбило такое просторечие. Она незаметно для всех, скривила верхнюю губу, в презрительной ухмылке, но затем вновь стала смотреть на мир, своим телячьим взглядом. Сама того не понимая, девушка запустила механизм, приведший к печальным последствиям. Именно это выражение лица, привлекло внимание молодого человека, сидевшего за барной стойкой.

Компания начала веселиться. Алкоголь, пустые и забавные разговоры ни о чём, громкий смех.

Только Андрей, сидел, понутив голову, и размышлял о чём-то своём.

– Ты такой грустный сегодня, – обратилась к нему «девушка в горошек», когда двое их друзей пошли на улицу, чтобы покурить. Её лицо и голос выражали предельное сочувствие.

– Всё нормально Оля, – юноша постарался выдавить из себя улыбку, – всё думаю о словах одной старой стервы.

– И конечно же речь идёт об одном, из твоих преподавателей, – улыбнулась она, – что же произошло на этот раз.

– Ты знаешь Никитину?

– Нет.

– Она будет вести у вас на втором курсе. Редкостная дрянь. Ведёт теорию русской литературы. Сегодня поспорил с ней. Она говорила, что у детей в школе не должно быть своего взгляда на произведение.

– А ты, конечно, стал отстаивать свободу слова, – по-доброму рассмеялась она.

Юноша не удержался, и ответил Оле, улыбкой.

В этот момент, курящие друзья вернулись и влились в разговор.

– Знаешь, Андрей. А ведь карга в чём-то права. Возьми, какого ни будь шестиклассника. Какое там собственное мнение. Они же глупые, как пробки.

– Да, я себя вспоминаю в шестом классе. Такая дура была, – одобрила слова товарища Маша.

– Дети природно умны. Их сложно обмануть, потому что они всегда чувствуют подвох. Инстинктивно. И почему же, например, мне, ребёнку считать, что какой-ни будь Обломов, лишний человек, только потому, что так сказала какая-то тётя Глаша?

– А если взять старшеклассников, – стала поддерживать друга Оля, – Свидригайлова, впихивают в рамки «тёмного двойника Раскольникова». А как мне кажется, такой противоречивый, персонаж, заслуживает хоть щепотку самостоятельности.

– Русские вообще не любят противоречия. Наш флаг должен быть чёрно-белым.

– Что за стереотипы? – вскричала Маша, – ведь каждый человек особенный, и нет какого-то одного качества, которое присуще всем представителям национальности.

– Вот-Вот, – поддержал ее Данил. В глубине души, он осознавал, абсурдность этого упрека, но желание переспорить Андрея, было слишком сильным. Он хотел загнать его в мысленный тупик, и триумфально сказать: «смотри, а ты в тупике».

– Причём тут вообще это, – недоумевающе протянула Оля, – я думала, мы о литературе говорим.

– В общем, я считаю, что дети должны иметь своё мнение о литературе. Это всё, что я хотел сказать.

– Да, мы тебя слышали. А теперь мы снова пойдём курить, – сказал Данил, и пошатываясь пошёл к выходу. Маша последовала его примеру.

Андрей глубоко вздохнул, и положил голову, на ладони.

– *Неужели, нужно разодрать им уши, что бы они научились слышать глазами?* – он услышал слева от себя незнакомый голос.

Повернув голову, к источнику звука, Андрей увидел, стоящего рядом с ним молодого человека, того самого, который наблюдал за ними. Незнакомец был очень красив. Широкие плечи, стройная фигура, которую подчёркивал, чёрный жилет на пуговицах, одетый на того же цвета рубашку. Рукава молодой человек закатал, видимо, демонстрируя, изящные, по-аристократически худые запястья.

Лицо его, так же было красиво – глубокие, впалые глаза, правильные черты, слегка вытянутый подбородок. Это лицо, вкупе с фигурой, удивляли, своей симметрией и пропорциональностью.

Как только Андрей, хотел, что-либо ответить, незнакомец, загадочно ухмыльнулся, и доставая сигарету из помятой пачки, плавно пошёл к выходу, демонстрируя грациозность и уверенность, своей походки.

– Чёрный человек какой-то, – тихо сказала Оля.

– Почему-то так я его и представлял. Красота снаружи, а внутри чёрт.

– Да, ты прав. Жаль, что не получилось поговорить о литературе.

– Всё равно, они не сказали бы ничего стоящего. С ними часто так, уж поверь мне.

– Хоть я и не так давно с вами, но почему-то мне кажется, что ты прав.

– А вот и наши курильщики, – сказал Андрей.

Но компания, была в этот вечер под прицелом не только чёрного человека. В глубине бара, сидела молодая девушка. На её столе стояли два бокала с коктейлями «зелёная фея», который был назван так, не из-за содержания абсента, как искущённому в питейном ремесле человеку могло показаться, а из-за основы этого коктейля – лимонада тархуна. Один из бокалов был наполовину полон, а ко второму девушка

ещё не притронулась. Помимо коктейлей, на столе стоял дух творческого беспорядка, который нашёл выражение в разбросанных карандашах и листов формата А4. Часть из них была исписана заметками, другая, бесформенными каракулями и узорами. И только один, белоснежный листок, был готов принять на себя удар, занесённой руки, сжимающей карандаш, для того, чтобы стать произведением искусства.

– Что бы стать прекрасным нужно перестать быть пустым, – как бы обращаясь к листку, произнесла девушка. Весь её вид, выражал крайнюю собранность. Глаза безотрывно смотрели на «полотно», рука от напряжения, слегка дрожала. Даже вена на виске, начала сильно пульсировать.

Но через мгновение, она одернула руку назад, и тряхнула кистью, снимая напряжение. Другой рукой, она схватила бокал, и залпом осушила его содержимое. За время нахождения девушке в баре, водка успела осесть, и теперь её горький вкус обжигал горло девушке. Она поморщилась, и закусила лаймом, удобно расположившись на краях стакана.

Девушка устало вздохнула, и стала бегло осматривать зал. Её внимание привлекла Маша, пёстрый наряд которой, вызвал усмешку художницы, и она взяла один из листов с каракулями, перевернула его, и написала «Сексуальный попугай». В надежде нарисовать хотя бы карикатуру, девушка стала наблюдать за шумной компанией, которая под влиянием алкоголя стала таковой.

– Раз шедевры не получаются, буду заниматься пошло-

стью, – сказала она всё тому же чистому листу, разглядывая остальных членов компании.

Список её названий пополнился. «Волокаамова ослица», за волоокий, как сказал бы Гомер, взгляд Оли. «Мистер Бигудь», за искусственные и нелепые кудри Данила. Андрея она не видела, потому что он ни разу не вставал из-за столика, тем самым спасая себя, от едкого сарказма девушки.

Художница отпила чуть-чуть из бокала, свою болотную жижу, как сама назвала коктейль, встала, и направилась, к выходу, чтобы покурить.

На крыльце бара, где разрешалось курить, стояли Данил и Маша. Данил сразу обратил внимание на то, как изящными движениями, девушка достаёт из пачки сигарету, зажигает её, и медленно выдыхает из себя табачный дым.

У художницы были длинные, тонкие руки. Наверное, лучше применить к ним слово ручки, чем руки, которые завершались, изящными, узкими кистями, и длинными пальцами. Все эти черты, вкуче с тонкой талией, создавали некий эффект хрупкости этому созданию. Дополняло этот образ лицо. Аккуратный нос, слегка пухлые губы, неглубокие ямочки на щеках, которые устремлялись к уголкам губ. И глаза. Большие, изумрудного цвета, глаза. Длинные ресницы и тонкая линия бровей.

А длинные пышные и выющиеся волосы, рыжеватого цвета, сквозь которые виднелась, забытая за ухом ручка, придавали ей, ирландский колорит, словно она сошла с по-

лотна «Волшебница Шалот». Разве что была, в чёрном, полуготическом платье, обнажавшем красивые, округлые плечи девушки.

Быстро докурив, она потушила сигарету, и зашла в бар.

– Какая показуха, – с презрительным смешком сказала Маша, – ещё этот карандаш, а ля смотрите какая охренительная я художница.

– Да уж, – неправдоподобно промямлил Данил. На самом деле он был очарован незнакомкой. Она напомнила ему девушку, в которую тот был отчаянно влюблён.

– Опять ты о Вере думаешь? – с укором спросила его подруга.

Тот молча кивнул.

– Да господи! У неё есть девушка. Не бегай за ней, прошу тебя.

– Я не бегаю. Я просто хочу быть рядом с ней.

– Ты ждёшь, пока у них с Вероникой, произойдет сора, чтобы утешить её, и заграбастать.

– Пошли уже.

Зашли они вовремя, ведь начиналась музыкальная программа. Около входа, где находилась импровизированная сцена, стоял высокий человек. На вид ему было не меньше двадцати шести. Он был крепко сложен, но не перекачен. Сильные и мужественные руки, являли свою красоту, благодаря закатанным рукавам его рубашки. У него были длинные, чёрные волосы, доходившие ему до лопаток.

Он стоял «на сцене», и настраивал гитару.

– Ну, что, я готов начать. А вы готовы подпевать? – громко спросил он посетителей бара.

– Да! – хором прокричали сидящие за соседним столиком, от студентов гости.

– Начнем с душевного или весёлого?

– Весёлое давай!

– Душевное, – ровным голосом произнёс кто-то. Сказал он очень громко, но при этом не кричал. Андрей и Оля поняли, что голос принадлежит чёрному человеку. Андрей привстал, чтобы посмотреть на него, и увидел, что тот уже сидит с какой-то девушкой.

– Душевное, так душевное, – весело сказал музыкант, и начал играть.

Студенты, отчаянно пытались вспомнить, что эта за песня, которая всем казалась знакомой.

И вдруг, под воздействием алкоголя, как ни странно, память заработала лучше. Все вспомнили песню.

– *Ты со мною, забудь обо всем, эта ночь нам покажется сном!* – хором кричали студенты, которые в этот момент думали, что поют.

Музыка, стала заполнять собой помещение, как газ, метр за метром. Люди, чувствовали, как красивый голос музыканта Влада, музыка, льющаяся из его струн, проникает в их существо, пробуждая что-то первобытное. Пьяные люди, пели в унисон, кто-то громче, кто-то тише, но всё же хором. «Это

все», «опиум для никого», «моё сердце остановилась» – эти, всеми любимые песни, делали людей счастливыми здесь и сейчас. И неважно было, что ждет всех их, за дверьми бара. Музыка. Вот единственное, что сейчас существовало.

Им даже было невдомёк, что с одной стороны, не Влад пел для них, а они для него. Любое искусство, не существует без зрителя. И музыкант, видя эту отдачу, это бессознательное слияние, слушал как они поют, и так же был счастлив здесь и сейчас.

– Ну а теперь, дайте бедному музыканту отдохнуть, – все так же весело, сказал Влад, – небольшой перерыв.

Аккуратно, и даже нежно, он положил свою гитару на колонку, и быстрым, и даже каким-то кошачьим движением руки открыл дверь, махнул кому-то головой и вышел.

Следом за ним вышел Черный человек, и девушка, которая сидела рядом с ним. Только сейчас Андрей заметил, что она одета в красное платье.

– Чёрный Человек, и девушка в красном платье, – сказал он друзьям.

– Вы о ком? – спросил Данил, пытаясь, пьяными глазами всмотреться в точку, на которую смотрел его друг.

– Они вышли.

– Ааа, – как-то коротко протянул он.

– Ладно, мне пора домой, – сказала Оля.

– Я провожу тебя, – Андрей резко встал.

Прощавшись с друзьями, молодые люди вышли из бара.

На крыльце они столкнулись с курящим Владом.

– Эй, вы что, уже уходите, – спросил он их, – ещё много будет песен сегодня.

– Да. Уже пора домой. К сожалению, – ответил Андрей.

– Я тут каждую пятницу и субботу. Приходите ещё.

– Обязательно. Вы очень хорошо играете. И песни классные звучат. Обязательно ещё приду, – от алкоголя у юноши развязался язык.

– Приходи, потолкуем об ушах, – сказал ему чёрный человек, после чего троица зашла внутрь.

– Может, завтра придём сюда вдвоём? – спросил Андре свою спутницу.

– Я подумаю, – туманно ответила она.

Молодые люди пошли до дома девушки. Опьянённые алкоголем, и хорошей музыкой, они не спеша брели, вдоль, светофоров, продуктовых магазинов, автобусных остановок. Прохладный, и свежий воздух, тихого июньского вечера, заполнял собой лёгкие молодых людей. Вся прелесть летних вечеров, познавалась, лишь на контрасте с днями – сухими и жаркими. От такой жары, в придачу с пылью, кружится голова, и хочется только одного – лежать под искусственно созданным вентилятором или кондиционером ветром.

– И всё-таки, я не понимаю, как ты можешь с ними общаться, – первая нарушила тишину Оля.

– Они не такие плохие, и глупые, как может показаться на первый взгляд. Конечно, часто они чудят, но в целом с

ними можно посмеяться, музыку обсудить. С Данилом, даже околофилософский разговор можно завести. Им нравится думать.

– Но не так, как тебе.

– Да, – он как-то виновато улыбнулся, – но всё же.

– Почему ты так веришь, в то, что любой человек, если постарается, может стать Кантом?

– То, что я говорил про детей, относится ко всем. Нужно просто грамотно замотивировать людей, и они начнут получать удовольствие от процесса познания. Тяга к знаниям это одна из базовых потребностей человека. Рождаясь, мы уже познаём. Сперва, свое тело, потом появляется самосознание что ли, потом уже окружающий мир, других людей. Иначе младенец не научится ни ходить, ни говорить.

Они переглянулись, и какое-то время смотрели в глаза друг другу. Андрей, робко взял Олю под руку.

– Ну, наконец-то, – со смехом сказала она.

– Да я не могу себя понять – с девушками я вообще теряюсь. Вот сам не знаю почему.

– Боишься быть отвергнутым?

– Нет, скорее показаться придурком.

– Ты так зависим от мнения общества?

– И да и нет.

Данил, который вместе с Машей остался, в баре, твёрдо решил, что он будет изливать свою душу.

– Мне нужно, кое-что тебе рассказать. Я хочу добиваться Веры. Я чувствую, что мы связаны, – его глаза стали гореть. И этот свет, был вызван не столько чувствами и переживаниями, а большим количеством алкоголя, захлестнувшим его душу.

– Отстань ты от неё. У нее есть отношения, – механически проговорила Маша. Уже на протяжении месяца, когда они оставались наедине, что случалось не редко, девушка слышала одно и то же. И дальше слов ничего не продвигалось. Смутно, девушка ощущала, как что-то в ней хочет, что бы друг поступил аморально, лишь бы в их общении, была, наконец, новизна. Её подсознание, которое, по мнению Андрея, было разумнее, чем сознательное, устало мириться со знакомым злом, и хотело бегством к незнакомому стремиться.

– Я буду с ней рядом в любую минуту. Стану её лучшим другом. И потом, она сама в меня влюбится. И когда я пойму, что она влюблена, сделаю первый шаг.

– По-моему, это называется бегать, а не добиваться, – разочарованно произнесла Маша.

– Нет, тебе не понять этого, ты не парень.

– А почему бы тебе сразу не рассказать о своих чувствах, зачем себя мучать?

– Я никогда не делаю первый шаг, когда не уверен в чувствах девушки.

– Не делай ты тут не первый, не второй. Кругом столько

девушек красивых, – сознательное снова взяло вверх, – слушай, уже поздно, а я матери обещала раньше прийти. Пошли по домам.

– Нет, я останусь тут. Хочу подумать, – по-детски обиженно произнёс Данил.

– Пока.

–Пока.

Оставшись один, юноша действительно начал думать. Это был почти Гамлетовский вопрос – «Уводить или не уводить?» Ведь предмет его воздыхания, уже была в отношениях. С её девушкой Данил был в хороших, даже почти дружеских отношениях, следовательно, обольстить Веру, значило разрушить пару, так и еще и глубоко обидеть друга. Уйдя глубоко в себя, он даже не заметил, что Влад, уже закончил свою музыкальную программу.

– Ангелочек или чертёнок? – незнакомый голос вывел его из самого себя. Данил повернул голову, и увидел перед собой, того самого чёрного человека.

– Что?

– Я случайно, – он придал этому слову иронический оттенок, – стал свидетелем вашего разговора с подружкой. Что ты решил? Искушать или нет?

– Я не решил, – то ли от выдуманного им самим одиночества, то ли от обаятельной улыбки молодого человека, Данил решил открыться незнакомцу. Но одно было, несомненно – виной всему был алкоголь.

– Я могу помочь тебе, старина. Расскажи мне, как всё было.

– Ох, с чего бы начать, – язык юноши начал заплетаться.

– Пожалуй, с начала, – мягко, будто обволакивая собеседника, сказал незнакомец.

– Мы познакомились в универе. Учимся в одной группе. Я сразу стал старостой, а она моим заместителем. Потом начались разные мероприятия для первокурсников, посвящение, показы и всякое такое. Мы делали для этого больше остальных, и сблизились на этой почве. И как-то чёрт меня дёрнул её поцеловать. Сам не знаю, почему я это сделал, но это и неважно в принципе. Мы повстречались неделю, потом расстались... ладно, она меня бросила. А я уже почти год как по ней страдаю. И не знаю, как быть.

– Ну, у тебя есть два пути. Добивайся, или забей. Но будут последствия, которые ты должен будешь принять. У всего есть своя цена. Главный вопрос, человеческой жизни, это готов ли ты её заплатить?

– Да, – уверенно вскричал Данил.

– Мне нравится твоя уверенность старина. Но торопиться не нужно. Утром, когда будешь трезвый, сядь как тебе удобно. Постарайся расслабиться, и уйти в себя. Отбрось все свои мысли, и представь себе, своё любимое место. Если ты там будешь один, то забей, если с ней, то добивайся. Это психологическая медитация.

– И это действительно поможет? – толстые губы Данила,

расплылись в широкой улыбке.

– Даю слово. А теперь моя очередь просить об услуге.

– Все что угодно.

– Расскажи мне о девушке, которая была в вашей компании. С короткими волосами, – его тёмные глаза блеснули.

– Ты про Олю? Я мало могу рассказать. Она меньше месяца с нами водится. Но могу, сказать, что есть в ней замашки сучки. Ходит, строит из себя интеллигентку. И самая она умная и культурная. Хотя по факту, она ничем не лучше всех нас. Мы все, по роду деятельности своей интеллигенты. Будущие педагоги.

– Я так и подумал, – саркастично ответил незнакомец. Ну а теперь ступай домой. Отоспись хорошенько, ведь завтра у тебя важный день, да?

– О да. Спасибо тебе. Как мне потом тебя найти?

– Я тут каждую пятницу и субботу.

– Я зайду на следующей неделе, – довольный, от такого дара судьбы, Данил вскочил с места, собрал свои вещи, и быстрым шагом пошёл к двери, даже не спросив имени своего «спасителя».

– Ну и что это был за цирк? – спросила чёрного человека Элина, подошедшая к столику, за которым сидели студенты, чтобы убраться там.

– Нужно было втереться в доверие, к этому придурку, что бы он выложил мне всё, о той девушке. Пьяный и радостный человек, сделает всё, для человека, который оказал ему вни-

мание. И кроме того, мне интересно, он действительно будет отбивать свою возлюбленную, – это слово он произнёс с отворачиванием, – или испугается?

– А всю эту чепуху с медитациями ты сам придумал?

– Ну конечно, радость моя.

– Ну ты и чёрт, – девушка рассмеялась.

– Если и существует антоним к выражению женственный смех, то это те странные звуки, которые ты извергаешь. А теперь тащи свои толстые ляжки за бар, и принеси мне ещё виски, – сказал он мягко, и почти дружески.

Элина, дала ему шуточную пощёчину и пошла за пивом.

Тем временем, леди из Шалот, в уединении бродила, по залитой вечерним солнцем, площади, и молча смотрела на проходящие парочки, родителей с детьми и без, детей с родителями и без. И хоть её сердце вмещало в себя долю некоторого мизантропства, девушка иногда любила просто наблюдать за людьми. Быть незримым свидетелем их радости и печали, смеха и слёз. Она на пару часов избавлялась от отчуждённости и была частью чего-то целого, сумбурного, но по-своему счастливого.

Девушка села на свободную лавочку, и достала из сумочки записную книжку и ручку. Немного подумав, она ровным подчерком стала обдумывать новое стихотворение, для своего грядущего сборника, над которым она работала вот уже полгода.

«Горесть и радость
Две сестры.
Сила и слабость
Жгут костры.
Горесть умнее
Радость смелее».

Она перечитала получившиеся строки, и почувствовала, как, по телу разливается тепло, заставлявшее её сердце, учащённо биться, а руки слегка трястись. На неё снизошло вдохновение. Её глаза бегали, по строчкам в поисках красивой рифмы и твёрдого стиля. И в тот самый момент, когда она мысленно нашла и ритм, и рифму, кто-то окликнул её.

– Женестьева, ты что, тут делаешь одна?

Девушка развернулась, и увидела перед собой брата Диму. Увидев его добрые, собачьи, в лучшем смысле этого выражения, глаза её гнев сошёл на нет.

– Сижу одна, как ты видишь. А ты чего домой не идешь?

– Я как бы это сказать, – с трудом подбирая слова начал Дима.

– Не хочешь разговаривать с родителями?

– Да, – он виновато опустил глаза.

– И все из-за злобного нехристя Шопенгауэра, – с лукавой улыбкой потрясла пальчиком, изображая нравоучителя.

– Из-за злобного нехристя Сартра, – признался Дима, заряжаясь смелостью от улыбки сестры, – я вот закончил читать Калигулу Камю и начал читать «Экзистенциализм – это

гуманизм.» И...

– Начинаешь не верить в бога?

– Да! – Жан-Поль, – он в силу мечтательности своего возраста, называл понравившихся писателей чаще по именам, чем по фамилии, как бы заявляя миру, подобие дружбы с великими умами, – говорит, что «знаки» судьбы, каждый человек трактует по-своему. Мы не можем быть уверены в правильности нашего толкования. Тогда я стал думать в этом ключе и о Боге. Каждый видит и чувствует его по-своему. Но Он должен быть абсолютен, как наш создатель. И ты не поймёшь, чей Бог самый правильный, потому что мы не знаем истины. Но если истина не абсолютна, то может ли она быть истиной? – он встал со скамейки и активно жестикулировал. Эмоции переполняли его. Мысль, которую он с болью вынашивал, наконец-то нашла выражение.

Женевьева слушала его с пристальным вниманием, не отрывая взгляд от брата.

– Но ты боишься, окончательно смириться с утратой веры из-за родителей?

– Нет! – он широко раскрыл глаза, – просто... просто я вдруг оказался один. Я БЕЗУСЛОВНО верил в Бога, который любит меня. Родители, своей верой, показали мне путь. Путь к БЕЗУСЛОВНОМУ спасению. А сейчас я чувствую, как Бог покинул меня, а родители обманули. Но главное не всё вышперечисленное, а вопрос, который пристал ко мне. «Что делать дальше?». Если меня ждёт Ничто, то стоит ли

продолжать жизнь, полную лишений и всего ... дерьма, которые мне неизбежно придётся пережить? – его веки задрожали. Казалось, если он скажет ещё хоть слово, то заплачет.

Женевьева, видя это, прислонила ладонь к затылку брата, и положила так, что его голова опустилась на её плечо, уткнувшись лицом в её шею.

– Я тебя прекрасно понимаю, братишка. Я уже как два года живу с этой заброшенностью.

– Да, Сартр так и называл это состояние, – всхлипнув, сказал Дима в её шею.

– Ой, какие мы умные стали, – с доброй издёвкой сказала она и потрепала брата по голове.

Он отстранился от неё и слабо улыбнулся.

– Может, пойдём домой?

– Да. Поведу тебя за ручку как маленького, – она рассмеялась.

– Ой, какие мы взрослые, – так же со смехом ответил Дима.

Глава 2. Весёлая педагогика.

Андрей медленно шёл по улице, погрузив руки в глубокие карманы синих брюк. Те, кто хорошо был с ним знаком, понимали, что это явный признак раздражения или волнения. Когда Андрей волновался, он не знал, куда деть свои руки. Ему казалось, что они либо напряжены до такой степени, что выглядят, как полусогнутые лапы гориллы, либо расслаблены настолько, что болтаются, как безвольные нунчаки.

Поводом для раздражения служил отказ Оли пойти с ним сегодня в бар. Она сослалась на головную боль, что было правдой, но Андрей счёл себя обманутым. Вчера он взял её под руку, и она ответила ему, но это только распалило юношу. Ему хотелось укрепить свою «маленькую победу», поэтому он и злился.

Направлялся юноша в бар, где хотел растворить свою печаль в музыке. Внимая знакомые песни через уши, Андрей синтезировал её с негативными эмоциями и выплёскивал всю эту энергию через крик, посредством подпевания. Обычно обряд проходил дома, когда там никого не было, и Андрей включал музыку на телефоне, слушая через колонки, но теперь в его жизни появилась возможность бесплатно слушать живые выступления.

Он зашёл в бар, робко оглядываясь по сторонам. В заведении никого не было, и юноша почувствовал смущение. Ему

казалось, что его здесь не должно быть. Постояв с минуту на пороге, он всё-таки пересилил смущение и сел за барную стойку.

– Привет, – сказала ему Элина, не отрывая взгляда от пивной кружки, которую мыла.

– Привет, – растерянно ответил Андрей, не привыкший к обращениям «на ты» от персонала.

– Как сам?

– Да вроде нормально... а ты?

– Да тоже не жалюсь.

– Прикольно.

– Ага.

Наступило неловкое молчание. Неловкость его заключалась в том, что Андрей уже ввязался в беседу, и её следовало продолжить, но продолжить её он не мог, так как вообще не знал этого человека, и понятия не имел о чём можно с ней общаться.

– Когда он придёт, то спросит о твоей подруге. Соври ему, что она тупая, – сказала Элина, оторвавшись, наконец, от пивных бокалов и посмотрев Андрею прямо в глаза.

– Что? Зачем? – Андрей опешил.

– Иначе он её захватит, а потом бросит.

– Волнует чужое счастье? – раздался знакомый голос за спиной у Андрея.

Элина потупила глаза и стала мыть и без того чистые бокалы.

– Своё, – буркнула она.

– Так я и думал, – сказал чёрный человек, садясь за барную стойку, рядом с Андреем, – уши драть тебе не придётся, очень хорошо, – обратился он уже к Андрею.

– Андрей, – протягивая руку собеседнику, сказал юноша.

– Виктор, – с улыбкой представился чёрный человек, – налей нам пива, – сухо сказал он Элине.

– Чем ты занимаешься? – спросил Андрей, открывая своё пиво.

– Бесплезным словоблудием, – с ироничной улыбкой ответил Виктор.

– Он писатель, – пояснила Элина.

– Спасибо радость моя, – сказал он, отправляя Элине воздушный поцелуй.

Андрей внимательно посмотрел на бармена, и прочитал в этом лице какую-то тоскливую, безнадежную покорность. Он представил, как Оля так же смотрит на нового знакомого, и ему стало не по себе.

– О чём пишешь? – спросил он, чтобы избавиться от назойливого видеоряда в голове.

– Сейчас о вреде педагогики.

– И в чём же её вред? – Андрей заинтересовался.

– В том, что она педагогична, – прошептал Виктор, со спокойной улыбкой. Эта улыбка, будто обволакивала собеседника своей спокойствием и уверенностью.

– А поконкретней, – раздосадовано ответил юноша. Он

думал, что сейчас получит ответ более вразумительный.

– Я не понимаю, почему кто-то возомнил себя неким всезнающим божеством, которое открывает мне истину. В русле педагогики никогда не говорится «есть такое утверждение» или «это моё мнение». Говорят, «вот вам истина. Обжалованию она не подлежит». Был я студентом филфака. Изучал методику преподавания русского языка и литературы. И нам преподавы говорили прямым текстом «дети глупые. Они не знают, основной мысли произведения. А учитель знает, – он присвистнул, – какое самомнение. Учítывая, что я был умнее половины этих напoмаженных обезьян.

– Ну да, я не могу с тобой не согласиться. Но ведь это просто глупые учителя. Если у идеи есть плохой последователь, то это не говорит о том, что плоха идея.

– То есть, глупые учителя, переврали кладезь знаний, оставленных нам педагогами?

– Да, – неуверенно ответил Андрей. Он не совсем был согласен с этим утверждением, но ответь он иначе, то обнулil бы смысл своих предыдущих слов. Он будто играл в игру, по правилам Виктора.

– И педагог Ушинский?

– Конечно. Как минимум, он рассматривал педагогику, как один из наиболее сильных воспитательных средств. Источник нравственного развития.

– Курочку Рябу читал?

– Что?

– Ну сказку.

– Да.

– О чем она.

– Ну, там можно найти скрытый смысл, о человеческом существе, – Андрей растерялся. Он пытался вспомнить смысл сказки, которую считал пустой и бессмысленной. Но он не верил, что такой человек, как его новый знакомый, мог спросить такой глупый вопрос.

– Можно короче?

– Нет там смысла, – вспыхнул Андрей.

– Это сказка, о конце света и перерождении мира.

– Чего? – протянул юноша.

– Но в пересказе твоего Ушинского, все свелось к тупорылым старикам, которые яйцо долбили. Золото – символ смерти у древних славян, яйцо – образ мира. Так-то. Прочитай обязательно разные версии.

– Ну, наверное, у Ушинского были основания так сделать. Такая трактовка слишком трудная для детей...

– А какого хрена, её детям дают? Вот тоже, минус вашей педагогики. Все они хотят опощлить, мотивируя тем, что это для детей. Есть вещи для детей, есть для взрослых. И баста.

Андрей замолчал. Он пригляделся к лицу собеседника, но оно казалось ему непроницаемым. Он повышал голос, кривлялся, но выражение его лица не менялось.

– Ты ведь и сам жаловался на это друзьям.

– Я жаловался на преподавателя. На систему образования,

но не на науку. Её писали люди грамотные. Те, кто положил жизнь ради этого. И если я могу, использовать их опыт, чтобы чему-то научить детей, то зачем мне задаваться вопросом, что было с курочкой Рябой?

– А ты кто такой, чтобы учить кого-то? – Виктор снисходительно улыбнулся.

– Не понял.

– Ну, ты собрался учить детей. Но как ты можешь это делать, если ты не знаешь истины. Чему ты будешь учить?

– Да хотя бы принципам морали!

– Ооо, – протянул Виктор. Да ты у нас моралист. За мораль убили Сократа, моральные немцы сдавали аморальных Евреев. Добрые и праведные травят одиночек. Ваша мораль стоит ровным счётом ничего, без опыта. Вот тебе весёлая педагогика.

– И какой же должен быть опыт?

– Людям даны моральные установки. Не укради, не трахайся с кем-то кроме жены и бла-бла-бла. Человек исполняет этот закон как что-то чужеродное – данное ему. И это полная чушь. Закон должен идти изнутри. Простой пример. Муж прожил, не изменяя своей жене сорок лет. Но не изменял он не потому что не хотел, а потому что не было возможности. Либо из-за страха. Это значит быть не грязным, но не быть чистым. Опыт тут, это некий порок. Я расписал все это в простой формуле

$$(A+B)-B=C$$

А – Положительная сторона объекта. Например, смелость.

В – Отрицательная, то есть трусость.

С – истина.

Что бы понять, что такое настоящая смелость, нужно испытать трусость.

Чист не тот, кто никогда не марался, а тот, кто, извалявшись в грязи нашёл в себе силы омыться.

Андрей нахмурился. В нём зародилось противоречивое чувство – идеи Виктора вызвали и него резкое отторжение, но и одновременно, где-то на задворках своей души, он смутно осознавал, что в этой идее есть смысл.

– Но так можно оправдать как минимум... разврат, а как максимум я промолчу.

– Опять он пустозвоние тут разводит, – раздался за спиной Андрея знакомый голос. Он обернулся и увидел позади себя Влада, который радушно улыбался.

– Я умею работать языком, ты руками. Объедини нас и получится идеальный мужчина, – с усмешкой сказал Виктор.

– Если бы еще кое-чем другим умели пользоваться, – расхохоталась Элина, обнимая Влада.

– Твой юмор тонок, как и линия твоей талии, – улыбаясь сказал Виктор, – подойдя вплотную к бармену. Затем он взял её за подбородок и страстно поцеловал.

– Vivat, – сказал он, хлопая по плечу Андрея.

Юноше стало не по себе от всей этой сцены. Он чувствовал себя чужеродным предметом, в четко отлаженной цепи.

– Ты привыкнешь, – сказал Влад, как бы читая его мысли, – пойдём покурим.

Андрей пошёл вслед за ним.

– Он нормальный парень, – сказал музыкант, закурив сигарету, – выёживается много, но в целом нормальный. Про башню из словной кости уже загонял?

– Нет.

– Правда? А плюс Б, все дела.

– А-а, – протянул Андрей, – да, начал про это говорить.

– И как ты отнёсся к этому?

– Ещё не определился.

– Лучше и не надо. Он лихо может мозги крутить. Потому что доля правды в его словах есть. Но, – он глубоко затянулся, – он говорит о низменных желаниях человека. Не всё, что хочет человек является его осознанным желаниям. Щепотка инстинкта, доля детских комплексов, вот и желание секса. Я считаю, что с такими желаниями нужно бороться. Смутные порывы, значения не имеют. Если я иногда хочу девушку друга, это не значит, что мне надо с ней переспать, чтобы избавиться от похоти в себе. Это значит, мне нужно стойчески сопротивляться наваждению, – он выпучил глаза, изображая помешанного человека, и выкинул окурок в урну, – пошли, вечер начинается, – он похлопал Андрея по плечу.

Людей в баре было крайне мало, из-за чего Влад, решил повременить с музыкой.

Андрей сел за барную стойку.

– Ты куда убежал, – обратился к нему Влад, – давай к нам.

Юноша, нерешительно сел за столик, где сидел Влад, и та самая девушка в красном платье.

Это была высокая, стройная девушка. Её черные волосы, лавиной спадали с плеч и доходили до рёбер. Она внимательно осмотрела Андрея. Её взгляд, казался юноше надменным. Взгляд вкупе с её лицом, делал из неё не просто красивую девушку, а настоящую роковую красотку – худое лицо, резкие скулы и маленькие губы, которые казалось, всегда готовы поджаться, чтобы показать всем присутствующим, что она обиделась.

– Таня, – тихо сказала девушка.

– Моя красавица, – с гордостью сказал Влад, акцентируя внимание на слове моя, а не красавица.

– И как всегда ты обусловил моё существование, принадлежностью к тебе, – раздражённо сказала Таня.

– Ты как всегда обижаешься? – крикнул через весь зал Виктор, вышедший из зоны персонала.

– Пит сказал, народ будет примерно через час. Можем еще поболтать. Это Андрей, – сказал он, указывая на юношу.

– Приятно познакомиться.

– Я не обиделась, да, тоже приятно, – вставила она, – просто не люблю, когда я не женщина, а «девушка музыканта».

– А у тебя есть ещё функции? – с усмешкой сказал Виктор.

– Очень смешно, – девушка скорчила гримасу.

– Запомни, адекватные люди, постоянниками не становятся.

ся, – гордо произнёс Виктор.

– Я гляжу, вы тут все уже познакомились, – включилась в разговор Элина.

– Да, а поэтому всем надо выпить, – вскрикнул Влад.

– Всем пива, – сказал ей Виктор, – плачу за всех.

– Ты сегодня добрый, – сказала Элина.

– Не оскорбляй меня, – рассмеялся Виктор.

– Так и не поняла, что плохого в добрых? – спросила его

Таня.

– Многие добрые поступки делаются из самоутверждения, – неожиданно для себя вставил Андрей.

Все посмотрели на него, от чего юноше стало неловко.

– Черт, – рассмеялся Виктор, – а я сразу заметил в тебе потенциал.

– Но это же не значит, что все добрые поступки делаются в корыстных целях.

– Бесспорно. Есть и настоящее добро. Только это, на мой взгляд, добро самоотречённое.

– Согласен, – Влад кивнул головой в знак солидарности.

– Херня, – резко прошептал Виктор. Добро всё равно, что школьная форма. Никто не понимает, зачем оно нужно, но все носят. Видите ли, мои хорошие, добро и зло это категории, которые придумали люди. Они говорят тебе, что можно, а что нельзя. Но человек может жить и без их. Достичь такого уровня познания, что все эти условности ему будут не нужны. Конечно, все так жить не могут. Рабы будут всегда.

– Говорит раб, своего пениса, – уколол оратора Влад.

– Что за ужасное слово пенис, – ответил Виктор, хмуря брови.

– Ты от темы не уходи давай, – гнул свою линию музыкант, зная, как оппонент может ловко скакать от одной темы к другой.

– Да, пока я раб своих сексуальных желаний. Но что бы обуздать их, надо им потакать. Вот смотри, в моих генах заложен разгул. Мой добрый папаша гульнул разок с интеллектуалочкой. Мама флиртовала с обаятельным качком в своё время. Сестра вообще шлюшка. Ну и я – ваш покорный слуга, блядушник каких мало. *В этом наш Карамазовский вопрос и заключается: сладострастники*, – он криво улыбнулся. Эта почему-то ассоциировалась у Андрея с волчьим оскалом, – для тех, кто не понял, он указал на Андрея, – моя фамилия Кокрамазов. Я это к тому, что во мне эта сила, больше чем во многих людях. И что бы обуздать в себе этот инстинкт, нужно стараться больше чем другие. Осознав это, я и пришёл к своей методе, так сказать. Дать волю своим инстинктам, изжить в себе до конца порок, чтобы отчистится от него. Чист не тот, кто ни разу не замарался, а тот, кто, извалявшись в грязи, смог найти в себе силы омыться, – повторил он, – Это распространяется и на добро. Возьмем, к примеру человека, который всю свою жизнь помогал другим людям. Почему он это делал? Да потому, что он не видел ничего другого. Он как выдрессированная собачка делает то, что

велено. Но если бы хоть раз в своей жизни он сотворил зло, осознанно, с желанием, вернулся бы он к праведной жизни? Если да, то значит он пришёл к башне из слоновой кости.

– А если нет? – спросил его Андрей.

– Ты задаешь правильные вопросы, – юноше стало не по себе от тяжелого и внимательного взгляда Виктора, – если нет, туда ему и дорога, – он вновь по волчьей осклабился, но на этот раз зло и грустно одновременно.

– *Животные большей частью бывают грустные.*

– Я считаю, что зло, ну возьмём разврат, чтобы обобщить, это проявление злого в человеке. Это некое искушение. Проверка на прочность. Сильный человек, не идёт на поводу у своих желаний, а отмахивается от них, как от мух. Он отличает свои настоящие желания, от потребностей, последствий комплексов и тому подобное. И понимая сущность своих отрицательных проявлений, смотрит им в глаза и говорит – ты не моё, изыди.

– Слушайте, Аполлон и Дионис, – перебила его Таня, молчавшая до этого момента. С холодным вниманием, она осматривала спорящих, глядя на них гордо и величаво. Когда её взгляд останавливался на Андрее, он старался перевести взгляд на другой объект, стесняясь пристально смотрящих на него огоньков.

– Вы говорите о разврате, как о чём-то плохом. Но что в нём плохого. Виктор пытается его оправдать, Влад осудить. Но разве он в этом нуждается. Почему вы не даёте человеку

делать то, чего он хочет?

– Ты так и ищешь повода со мной поспорить, – обаятельно улыбнувшись, ответил чёрный человек.

– Потому что никак не могу убедить тебя в своей правоте, – улыбнулась она в ответ.

– Какая ты наивная, – усмехнулся Виктор, – Эту методу я вывел не столько для нас, людей свободных нравов, – Андрей не понял, являлась эта реплика иронией или нет, – а для людей, которые сохранили какие-то представления о чести и традиционной любви, поэтому заявляю бывший бабник – это лучший муж.

Глава 3 Апоэты.

– Мы Апоэты, – с гордостью в голосе произнёс молодой человек, с гладким лицом и круглыми собачьими глазками.

– Что? – переспросила Женевьева, рассеянно улыбнувшись. Она ушла в свои мысли, и казалось, забыла, куда и зачем она пришла. В мыслях она проклинала Елену, свою подругу, затащившую её в это кафе, чтобы познакомить с «интересными студентиками».

– Апоэты, – повторил молодой человек.

– А почему не поэты? – с натянутой вежливостью спросила девушка, которая давно потеряла нить разговора, в размышлениях, о том, как же некрасиво опаздывать на встречу, когда ты являешься звеном между незнакомыми людьми.

– Апоэт, означает, НЕ поэт, – ответила за друга низкая, пухлая девушка, лет восемнадцати.

– Господи, простите меня за опоздание, – в беседу с шумом ворвалась стройная девушка. Её длинные светлые волосы находились в беспорядке. Суетливыми движениями она искала в сумочке зелёную резинку, чтобы обуздать непокорные волосы, – я так долго ждала этот чёртов автобус, просто кошмар, – тараторила она, собирая густые локоны в хвост.

– Ты как всегда, – с укором, который заметила только Елена, сказала Женевьева, обнимая её при встрече, – я тут чуть с тоски не померла, – шепнула она.

– Да Леночка, мы тут тебя все заждались, – с каким-то странным придыханием промолвил гладколиций юноша.

– Прости меня мой хороший, – сказала Елена как ребёнку, трепля его по щеке.

Глядя на его щенячий взгляд, Женевьева невольно нахмурила одну бровь, что придавало её личику выражение озадаченности, с лёгким налётом презрения.

– Ну, я вижу вы уже познакомились? – спросила Елена, обнимая свою подругу за талию.

– Да, – резко выпалил гладколиций, не на шутку разволновавшись, что Елену и Женевьеву, связывают более глубокие чувства, чем дружба.

Разглядев приступ ревности, Женевьева, с лукавой улыбкой положила голову на плечо Елены.

Юноша нервно сглотнул.

– Ты пришла как раз вовремя. Мы начали вводить Женевьеву в курс дела. Кто такие Апозэты.

– Я специально не говорила о вас ничего, чтобы не привнести в вашу философию отсебятины.

– Афилософию, я так полагаю, – решила внести юмор в безжизненную и скучную беседу волшебница Шалотт.

Участники беседы, странно на неё посмотрели. Несмотря на дружелюбный тон девушки, юные Апозэты нашли повод, чтобы уже приписать Женевьеву к «снобам».

– Не думаю, что бы ты могла понять нас неправильно, – с улыбкой, расплывающейся до ушей, ответил Елене юноша.

– Спасибо Виталья, – Елена кокетливо улыбнулась.

– И так. Мы называем себя творческим объединением. Вообще у нас большая группа ВКонтакте, но ядро, так сказать, нашего коллектива тут. Наш воздушный дизайнер-оформитель Юля, – пухлая девушка привстала и кивнула головой, – веснушчатый PR менеджер Роман, – молодой человек, с детским лицом, покрытым алым слоем прыщей, – и ваш покорный слуга – Виталий.

– Они называют недостатки друг друга, как будто это достоинства, ну разве не прелесть, – шепнула Елена подруге.

Женевьева вновь вскинула бровь. Подруга уже читала в этом взгляда излюбленную фразу Женевьевы «Уродство есть уродство».

Елена закатила глаза.

– Приятно со всеми вами познакомиться, – солгала из вежливости Женевьева. То ли увидев это, то ли завидуя очаровательной улыбке, толстушка недовольно поджала губы.

– Сейчас каждый второй, называет себя поэтом. Даже Моргенштерн, – Апэоты рассмеялись, – Но для нас творчество и креатив, это намного глубже. Мы любим искусство, и наши Астихи это дань уважения великим классикам. Это наша любовь. Мы самовыражаемся, делимся нашими радостями, печальями и идеями. У каждого человека, есть своя философия жизни. И наша задача как, организации помочь людям раскрыть эту самую философию.

– Не Афилософию, – вставил Роман.

– Итак, какова твоя философия? – обратился Виталий к Женевьеве.

– Ээ, – протянула девушка, не понимая термина «Философия твоей жизни» – экзистенциализм, – добавила она, ощущая, как Елена наступила ей на ногу, – экзистенциализм, да.

– Не так оригинально, но зато твоё, – пошутил Виталий.

– Что значит моё, – недоумевающе спросила Женевьева.

– Философия твоей жизни, это значит твое мироощущение. Ты руководствуешься принципами исходя из него. Мы, как и многие из молодёжи отстаиваем это мнение. А снобы, вечно кричат о том, что философия – это наука, – пояснила Юля.

– Это стиль жизни, – вставил Роман.

– Очень интересно, – Женевьева наигранно мило улыбнулась.

– Елена говорила, ты пишешь стихи. Прочти их нам.

– Было бы интереснее послушать ваши.

– Хочу прочесть свой любимый стих, – гордо поправив свою бабочку изрёк Виталий.

Так мало в мире доброты

Все больше злобы, злобы, злобы

Так мало в душах теплоты

Вокруг сердца, одни трущобы

Мы с каждым годом равнодушной

Друг другу меньше помогаем

Мы с каждым годом малодушной

Врага – за близкого считаем
Девчонки любят оболъстителей порочных
А парни проституток малoverных.
Но я ценитель истин непорочных
Защитник истин неизменных.

Ценю людей за душу, а не внешность
Ведь красота лица есть тщетность.
А поэты бурно зааплодировали чтецу.

– Ну как тебе?
– Честно?

Конечно, – сальная улыбка заблестела самолюбованием.

– Вполне неплохо. Правда иногда сбивается ритм и рифма. И смысл как по мне слишком обычный. Даже в чём-то пуританский. Люди плохие, потому что не любят то, что люблю я. А я в свою очередь хороший, но бедный стеной волк, который защищает от нового человека истину. Но в этом и заключается снобизм. Есть много достойных девушек, ведущих разгульный образ жизни.

– Ладно, это твое мнение, мы его принимаем, – затараторил Виталий, – прочтешь нам, что ни будь из своего?

– Чрево бытия вещает,
Тихим гласом человека
Он калека,
В уксус соки превращает.

Бытие нас всех страшит,

Даже в ласках побивает
Тело знает,
Радость муки ощущая.

Черви бытия вещают,
Разлагая кровь и воду
Это мода,
Мысли жадно поглощают.

Апоэты молча уставились на Женевьеву. В их глазах искрилось непонимание и неприятие.

– На самом деле, я хотела прочесть вам не стихи, а отрывок своего эссе на тему проблем современной поэзии.

– О, как интересно.

– *Задача поэта, создать новое стихотворение. Форма и содержание, которого, выйдет за пределы старой мысли, выразит новые смыслы, а старые облачит в эпитеты и метафоры, принципиально новые. В чем суть стихотворения о любви, которое просто описывает, личные переживания автора? Любой, затратив определённую долю усилий, напишет «Я помню чудное мгновение» или «Заметался пожар голубой».*

Произведения такого рода, самовыражение, а не искусство (самовыражение не конечная цель искусства). Если главная суть твоего искусства – выражение твоих переживаний, то оно служит лишь компенсацией.

«Существуют люди, чье искусство не столько самосо-

стояние духа, сколько компенсация какого-либо их недуга или несчастья». У.Б. Йетс «Anima Hominis».

Стал ли Китс выдумывать «волишебный мир», не будь он болезненным бедняком?

– Ты считаешь, что просто писать, как Пушкин? – перебил её Роман.

– Да, спокойно ответила Женевьева, – мнение, что Пушкин солнце русской поэзии – это стереотип. Я думала, вы с ними боретесь.

– Да, конечно, – закудаhtал Виталий, – но это не стереотип. Это ... аксиома.

– Хорошо, но объясните мне, пожалуйста, почему это так. Я искренне не понимаю, – осознав, что сейчас будет спор, девушка решила проявить исключительную вежливость.

– Ты читала «Пир во время чумы»? – произнёс Роман, с такой интонацией, будто гениальность этого произведения самоочевидна.

– Да, а ещё я знаю, что это перевод фрагмента пьесы.

– Какой ещё пьесы? – вспыхнула Юля.

– «Чумной город» Уилсона.

– Ну что вы прикопались к Пушкину, – нарочито строго произнесла Елена, – я хотела познакомить вас с Женевьевой, потому что у неё потрясающие стихотворения, а не для того, чтобы мы тут все поссорились.

– Да, конечно, – промямлил Виталий. Если бы у него был хвост, он непременно завилял бы им, – а каких поэтов ты

любишь?

– Мой самый любимый поэт – Уильям Блейк.

– Никогда не слышал о таком.

– А вот я слышала. И слышала, что он был сумасшедшим, – не унималась Юля, – мы, люди искусства, конечно все немного странные, но не чокнутые.

– А кто такие люди искусства? – всё так же вежливо продолжала Женевьева. Хотя это уже давалось ей тяжелее, чем в начале беседы.

– Люди, выражающие свою натуру и делающие тем самым мир лучше. А не психи, типа твоего Блейка, поддерживающие разврат.

– Блейк поддерживал свободную любовь, – медленно и со стальным спокойствием в голосе произнесла Женевьева, в упор смотря на оппонента.

Юле стало не по себе от такого взгляда, и она увела глаза, уставившись в пол.

– Так, с меня хватит вашей ссоры, – Елена резко поднялась со своего сидения, – во-первых. Я привела свою подругу не для того, чтобы вы тут её оскорбляли, а для того что бы вы поучились у неё. Во-вторых. Что такого в свободной любви. Ну мне, например, нравится гулять с мальчиками. Гулять во всех смыслах.

В глазах Витали застыла боль.

– Пошли отсюда Женевьева, – она резко развернулась к выходу и взяла подругу за руку.

– А я думал она добрая и порядочная, – грустным голосом пролепетал Виталий, смотря в след объекту своего обожания.

Услышав это, Женестьева остановилась, задорно улыбнулась и вновь направилась к апоэтам.

– А Юля, добрая и порядочная?

– Да, – неуверенно ответил молодой человек, не понимая суть вопроса.

– Так почему же ты с ней не встречаешься? – Женестьева залилась звонким смехом.

– Ну... она... Она мой друг.

– Нет малыш, ты в неё не влюблён, только потому что она полная, – шепнула она ему.

– Нет! – вскричал Виталий, – так может подумать только тот, кто объективизирует людей!

– Ну-ну, – снисходительно улыбнулась девушка. Хоть она и была ниже собеседника, но всё же смотрела на него сверху вниз, – пока.

Девушки ушли, оставляя апоэтов, с мрачным осадком в душах, ведь смутно осознавали правоту Женестьевы, но не хотели признать этого.

– А я ведь действительно думала, что эти малолетки захотят у тебя поучиться, – виновато сказала Елена уже на улице.

– Они слишком умны, чтобы учиться, – рассмеялась Женестьева.

– Я никогда этого не понимала. Почему людям не учиться

у талантливых, – негодовала Елена.

– Меня это не расстраивает. Я никого не хочу учить. И мой трактат, скорее некий радар для поиска единомышленников, а не что бы говорить кому-то «вот истина во плоти».

– Не люблю я дураков. Они такие злые.

– Да, причём топят за добро и позитив. Добро. А что такое добро?

– Чего не знаю того не знаю. Но если добро, это быть с одним мужчиной, то я лучше уж буду злой, – Елена рассмеялась.

Глава 4. Под сенью девушек в цвету.

Из-за тоски по Оле, Андрей часто ходил в «Оззи». Виделись они редко из-за учёбы. Сессия, чёрным псом ходила по пятам студентов, и Оля, у которой было много проблем с учёбой, редко выходила куда-то.

Андрей же, будучи, по словам его преподавателей «одарённым студентом» не боялся чёрной собаки, которая для него была скорее щенком, и поэтому свои выходные тратил в баре, слушая музыку и разговаривая с Виктором.

Он заинтересовывал его всё больше и больше. Андрей ошибочно полагал, что за дебрями цинизма, похабных шуток, напускной развратности, лежит доброе и даже наивное сердце. Из занятий по психологии, он усвоил, что такова защитная реакция, чрезмерно ранимых людей.

Он и не заметил, как за две недели, получил статус «свой». Это не давало ему никаких привилегий, акций или даже скидок, но само осознание того, что где-то тебя ждут, слегка обижаются, когда ты не приходишь, радовало юношу.

Андрей удивлялся от столь скорой привязанности к незнакомым ему людям. Обычно он предпочитал одиночество, которое позволяло ему проводить свой досуг среди книг и учебников. Как степной волк, он робко уходил от мира, предаваясь восторгам от прочтения книг. Но он не понимал, что его уединение не акт самостоятельного выбора, а

нужда, обусловленная его стеснением и некоторым страхом перед окружающим миром с его бурными всплесками веселья и депрессий.

В пятницу, как и две недели назад, юноша пошёл в «Оззи», где уже на входе, заметил удивившую его картину.

С холодным вниманием, Виктор слушал насыщенную эмоциями речь Данила, которая сопровождалась активной, но зажатой жестикуляцией.

Увидев юношу, Виктор подмигнул ему. Данил обернулся и сразу же опустил глаза затушил сигарету и смущённо зашёл в помещение.

– Забавный он персонаж, – сказал молодой человек.

– Человек, со своими слабостями, – ответил Андрей.

Виктор снисходительно, но с долей презрения улыбнулся.

– Ты же знаешь, о той ситуации с его подружкой-лесбушкой?

– Все его друзья о ней знают.

– М-да, я бы такое держал в секрете. Но не суть. Он её поцеловал вчера.

– Что! – глаза Андрея расширились от удивления. Я надеюсь это не ты его надоумил.

– Разве я могу так нагло вмешиваться в жизни людей?

Юноша пристально всмотрелся в лицо приятеля, раздумывая иронизирует ли он или нет.

– Если кто-то и может, то только ты.

Виктор расхохотался.

– Вот тут ты прав Балто.

– Балто?

– Полу волк, который стыдится того, что он не собака. Поздравляю, у тебя появилось погоняло в нашем баре. Ладно, пошли. Послушаем дальше рассказ несчастного.

Андрея смутило его новое прозвище, но он промолчал. Жестокость, с которой он издевался над Данилом, ввела его в ступор.

– Какой бы глупой не была ситуация, человек то страдает. Можно проявить хоть каплю уважения, – подумал он.

– Я шучу про голодающих детей Африки, не думаю, что жестокость по отношению к влюблённому дурачку будет преступлением, – придерживая Андрею дверь сказал Виктор, словно читая его мысли.

– Не волнуйся компадре, Андрею можно доверять.

Данил доверчиво посмотрел на Виктора.

– Мы сидели в баре втроём. Я она и её девушка. Подруге позвонили, и она ушла. Мы разговорились с Верой, и я сказал «мы интересно узнать, как ты целуешься». Она ничего не ответила, а только поцеловала меня, – он вскрикнул, – поцеловала! Потом пришла её девушка. Под столиком, мы держались за руки, – его щеки расплылись в улыбке, но тут же, словно Данил что-то вспомнил, скрыл улыбку под маской угрызений совести.

– Так что тебя гложет? Ты же добился своего.

– Всё это как-то неправильно.

Виктор присвистнул.

– Надо было раньше об этом думать старина.

– Да... Но это словно был не я. Не знаю.

Он закрыл глаза, и не увидел того прожигающего насквозь презрения, с которым Виктор на него посмотрел. От всей этой сцены Андрея передёрнуло.

– Я не должен был так поступать.

– И сказал Адам, это всё жена, что ты мне дал.

– Что?

– Мудак ты, говорю.

– Что!

– Ты поступаешь плохо. Влюбляешь в себя девушку, которая занята, да не абы кем, а твоей подругой. Потом ты целуешь её. Она ждёт, что ты вытацишь её из опостылевших отношений, а если она сосётся с другом, то таковыми их и считает. Молодец. В некоторой степени даже благородно. Но. Ты говоришь – это было ошибкой. Давай вернём все как было. А если её девушка прознала об этом и бросила её. Какой героиней. Кидаешь телку в одиночество и говоришь «ну да, я добрый человек». И ведь всерьёз считаешь себя хорошим. Ты трус. Жалкий и бесхребетный. Тебя тянет к авантюрам, но ты хочешь усидеть на двух стульях одновременно – доброта и желания. Так не работает. Так что не веди себя как целка и бери на поруки свою Веру.

– Да что ты себе позволяешь! – взвизгнул Данил, сжимая кулаки.

– Я многое себе позволяю.

– Да я тебя...

– Что ты меня? Уничтожишь силой своей доброты? – с издёвкой спросил Виктор. Даже сейчас, он сохранял свое спокойствие, – ты обманываешь сам себя Данил.

Данил посмотрел на Андрея, с надеждой, что тот вступиться за него.

– Виктор, хватит, – одёрнул он приятеля, с какой-то брезгливой жалостью заступаясь за друга.

– Так, ты пошёл прочь с глаз моих, а ты, – он посмотрел на Андрея, не вступая в чужие разговоры.

– Это ты сейчас уйдёшь, – попытался грубо сказать Данил.

Виктор встал с сиденья и подошёл вплотную к нему.

– Да ну?

– Только и можешь, что силой решать конфликты, – обиженно промолвил Данил, и вышел из бара.

– Ты небось думаешь, что это я втянул его во грех? Что я испортил бедного мальчика? Хер там был. Я лишь вскрыл этот гнойник на его коже. Никого нельзя искусить, в том, чего у человека нет. Этот слизняк давно хотел совершить такой поступок, но ему нужно было одобрение. Когда появился первый человек, который дал ему это, то он тут же побежал целовать свою Верочку. Вы все думаете, что я корень всех зол человеческих? – он начал выходить из себя и повышать голос. Люди ведь такие добрые, сука и праведные. А вот такие как я всё портят. Я зеркало ваших мыслей! Я вижу вас,

такими, какие вы есть на самом деле. Вот почему меня ненавидят такие как твой Данил. Я говорю им правду о них же самих. Когда они кричат о том какой я плохой, они говорят о себе. Многое из того, что люди хотят, я делаю. Одновременно с тем что меня ненавидят, мне завидуют. Я не просто делаю, то, что они хотят, но делаю это открыто. Без страха. Те, кто не может себе этого позволить... Блять! – вскричал он выстремглав вышел из бара, оставив Андрея в недоумении.

Он посмотрел на Элину, которая была немым свидетелем этого разговора.

– Что бы вывести его из себя нужно постараться, – сказала она удивлённо.

Юноша пожал плечами и тоже вышел из бара.

Виктор стоял на крыльце. Когда Андрей открыл дверь, он обернулся на него. Юноша с испугом в глазах посмотрел на приятеля.

Лицо Виктора стало бледным как мел, и без того синие мешки под глазами, стали почти багровыми. Под ними, как и на висках, выделялись синие, пульсирующие вены. Из его носа текла кровь. Он сел на ступеньку, жестом призывая Андрея сесть рядом с ним.

– Прости за сцену, – сказал он, вытирая нос платком, пропитавшимся кровью, – Зачем ты с ними общаешься? Это же черти, самые натуральные. Хотя обычно это говорят про меня, Дьявол, – он усмехнулся, но его взгляд поразил Андрея до глубины души.

В них забрезжила такая усталость, что казалось, Виктор, с самого рождения, занят трудом, который убивает его изнутри. Вместе с усталостью, в глазах молодого человека была тоска. Тоска по какому-то далёкому миру. Далекой родине, лежащей где-то по ту сторону исканий и тревог Андрея. И путь к этой родине лежал по вертикали, а не горизонтали.

С лица приятеля, взгляд Андрея скользнул к рукам Виктора. Он закатал рукава своей рубашки по локоть, и юноша увидел, алые полосы на его руках, которые вздулись, как вены на его лице.

– Всё мои бедные сосуды, – рассмеялся Виктор.

Его взгляд вновь принял привычную форму непроницаемости.

– Пойдём в бар, хочу еще выпить.

– И может же такое померещиться, – подумал Андрей, думая про хладнокровный взгляд Виктора.

Глава 6. Девушки не любят эгоистов.

– Экзамены уже скоро. Ты должен сказать родителям, что не пойдёшь на биологию с химией.

– Да, – неуверенно протянул Денис, – просто я жду момента, думаю, как бы лучше сказать, – он потупил взор и уставился в пол.

– Послушай, – Женевьева взяла его за руку, – я проходила через это. Даже если вдруг, ВДРУГ, ты не пройдёшь вступительные экзамены. Тебе надо будет всего лишь год поработать. Один год, а это не сложно. Я так уже второй год работаю и ничего со мной не случилось. Учиться в меде шесть лет. Шесть лет ненавистной учёбы. Я проучилась там год, и поверь мне – медицинский не для нас с тобой.

Денис крепко сжал её руку.

– Я просто... чёрт, это сложнее чем я думал. Я боюсь, что родители заставят меня. Ты же знаешь, как они умеют манипулировать.

– Я с тобой Дионис.

Денис улыбнулся. Их детская забава, называть друг друга мифологическими именами, которая не прекратилась до сих пор, всегда вызывала в нём умиление. Будто проверка связи их любви.

– Спасибо Гвиневра. Но ты точно не страдала эти два года,

когда работала?

– Уж точно меньше, чем в год обучения в меде, – сказала девушка. Как она могла сказать всю правду сейчас, когда её брат ждёт той поддержки, которую может дать только она? В отличие от родителей, она знала, что счастье Денису, может принести только театр.

– Я даже не знаю, что бы я делал без тебя.

– Учился бы в меде, – она ласково улыbnулась, и потрепала его по голове. А теперь шагом марш к маме.

Денис громко выдохнул

– Так точно, – отсалютовал он ей.

– Сколько раз тебе повторять Денис. Карьера актёра – это пустая трата времени, – монотонно говорила мать Женевьевы и Дениса, высокая, статная женщина, с первыми признаками зрелости, плавно перетекающей в старость.

– Но я не хочу быть врачом мама. Душа вообще не лежит.

– Ты просто не хочешь. Господь оценил бы твоё старание спасти жизни людей. Это меньшее, чем ты можешь отблагодарить Его, за чудо жизни.

– Но разве господь не дал нам свободу воли? – Женевьева стояла на лестнице, готовая защищать своего брата, от очередных нападков матери.

– Смотри ка, кто заговорил? Посмотри на свою сестру Денис. Думаешь, я не слышала, как она по ночам рыдала в свою подушку, готовясь к очередному рабочему дню. Как она ме-

сяцами искала работу. Никто не нужен без образования. Два года она думала куда поступать и уже не поступит. Если ты не поступишь сразу после школы, то уже никогда. Тоже будешь корячиться на ненавистной работе, – вскричала она с участием. На миг ей представилась эта ужасная картина, как её любимый сын страдает.

– Но я знаю куда поступать, – растерянно сказал Денис. Женьевьева всегда говорила ему, что проявление своей воли не может быть плохим. Она подталкивала его к этому разговору с мамой, обнадежила его. И вот сейчас оказалось, что она страдала. Сделай она в своё время как сказали родители и может не было бы тех двух лет, которые как оказались причиняли ей только боль.

– Вся её уверенность и сила была маской. Нежели и я могу рыдать в подушку из-за своего выбора?

– А как я ненавидела медицинский, ты не помнишь? – вспылила девушка. Её глаза заблестели от обиды.

– Я не собираюсь разговаривать с тобой в подобном тоне, – с аристократической, утончённой холодностью сказала мама.

– Но мама.

– Хватит, – вскричала она уже без аристократизма, – ты будешь поступать туда, куда хочет Господь!

– Пожалуйста.

– Мне нужно идти на встречу. Вечером и поговорим.

Денис сидел в своей комнате, слушая очередную перепалку Женевьевы с матерью. Ему было стыдно, что он не может постоять за себя перед родителями, но их неукоснительный авторитет, сгустился подобно мраку в его комнате, парализовывая его волю к счастью. Или же он лишь хотел хотеть быть счастливым?

Резкий удар закрывшейся двери вернул его в реальность. Мама ушла на встречу.

– Можно? – спросила Женевьева стучась в его дверь.

– Да.

– Ты как?

– Скажи честно, я тряпка? – его губы задрожали. Он сжал кулаки.

– Нет.

– А почему тогда я не могу заставить родителей принять мою точку зрения?

– Потому что ты боишься. Потому что думаешь, что я наврала тебе. Потому что всю жизнь тобой манипулировали.

– Ты и вправду врала мне, когда говорила, что работать не так плохо?

– Да, – сожалея сказала Женевьева, – но даже когда мне было плохо на тех работах, я не жалела. Потому что я сама сделала этот выбор. Лишившись всех радостей жизни, я обрела свободу.

– Свободу быть несчастной?

– Свободу отвоевать своё счастье, – её лицо вспыхнуло

лёгким оттенком отваги.

Денис недоверчиво на неё посмотрел.

– Из-за матери ничего не успела. Можешь, пожалуйста, встретить Елену. Мне ещё вымыться надо. Вечером мы всё обсудим.

– Ладно.

Он встал с кровати и прошёл мимо сестры.

– Ты не тряпка, братишка, – она похлопала его по плечу. Он сделал усилие, чтобы улыбнуться.

Его всегда удивляла её поддержка. Она оказывала исключительно женственную поддержку, но в некоторые моменты была способна и на мужскую.

– Привет Денис, – она приветливо приобняла его левой рукой. Юношу всегда удивляла эта открытость миру Елены.

– Привет, – ответил он робко, – кроме удивления он, находясь с ней в одной компании, испытывал смущение.

– Где там наша леди Шалотт?

– Наверно ещё моется. Слушай... а когда ты заканчивала школу, были ли у тебя трудности с поступлением?

– Слава богу нет. Я просто подошла к родителям и сказала «я хочу работать флористом».

– Повезло.

– Заставляют идти в мед?

К-как ты узнала? – встрепенулся Денис.

– Предположила. С Женеьевой так же хотели. Слава богу

она ушла оттуда. А ты сам куда хочешь?

– Я хочу в театральный. Но родители считают это эгоизмом.

– Старая песенка. «Девушки не любят эгоистов», – пропела она, – здоровый эгоизм – это нормально Денис», – сказала она с непривычной для неё серьёзностью в зелёных глазах. Ты живёшь для себя, но не забываешь о других. Учиться не твои родители будут, в постель ложиться будут не они и дети у тебя свои будут. Я почему-то ни разу не видела, как ты играешь, – в задумчивости она нахмурила брови, – уже шесть лет как с Женевьевой общаемся.

– Через неделю у меня выступление, – с трудом сказал Денис. Ему казалось, что Елена ждёт предложения, но одновременно ему казалось, будто он навязывается.

– Чудно. Я обязательно приду, – она потрепала его по щеке, – ты так вырос, – она внимательно посмотрела ему в глаза, – давненько мы с тобой не виделись.

– Да, мама тебя не особо любит.

– Ещё бы. Я же блудница. И Женевьеву от веры отбила. Бу-у-у, – она потрясла руками, будто призрак из старых фильмов ужасов.

– Ты не блудница, – выпалил неожиданно для себя Денис.

– *«мальчик сказал мне»* – весело процитировала Елена.

– *«Как это больно! И мальчика очень жаль»*, – закончил юноша.

– Какой ты сейчас милый, – Елена одарила его улыбкой.

– Уж не брата ли ты моего совращаешь? – весело спросила Женеваева, показавшаяся на лестнице, в своём новом, летнем платье розового цвета.

– Ну что ты, разве такое чудо можно искусить?

Денис смутно понимал, что раскраснелся от смущения, но ничего не мог с собой поделать, от чего конфузился, и краснел ещё больше.

– Пока Дионис. Не забывай, вечером второй раунд.

Глава 7.

7.1 Так собираются тучи.

Всю неделю, Андрей и Оля, почти не разлучались. Они встречались ближе к обеду, и расставались только под вечер, когда он провожал её до дома, и после это одухотворённый, на крыльях внезапного чувства возвращался домой. Никогда ещё юноша не испытывал таких сильных чувств к девушке. Ему казалось, что Оля, лучшая девушка из тех, кого он встречал. Его смущал только один факт- она никак не хотела вступать в отношения. Хоть она и была влюблена в молодого человека, но никаких обещаний она ему не давала, что слегка тревожило Андрея.

Мотивировала это девушка тем, что совсем недавно вышла из сложных отношений. Предыдущий её парень всячески контролировал её, закатывал истерики и обижался без повода.

Андрей никак не мог этого понять. Ведь он не тот человек – он спокойный, способен на доверие. И всё-таки она отказывалась от отношений с ним.

Под влиянием, наплыва ярких эмоций, а влюблённость, как известно застилает глаза розовой пеленой, сквозь которую мы и смотрим на мир, Андрей совсем забыл о радикальных идеях, своего нового знакомого – зачем ему, верному молодому человеку, целенаправленно изменять Оле, если он

питает к ней самые нежные чувства, на которые только способна его юная душа?

Первое время, после того разговора, он носил эти идеи в себе. На парах педагогики, он часто вспоминал о курочке Рябе, на парах философии формулу Виктора. Но гуляя с Олей, он думал только о ней. И сейчас, когда время занятий сокращалось из-за наступающей сессии, время прогулок с ней увеличивалось, заставляя забыть обо всём.

– Ты ещё общаешься с Данилом и Машей? – спросила она Андрея, во время очередной встречи. Они сидели на лавочке в парке. Вернее, сидел юноша, а Оля легла на скамейку, используя вместо подуши ноги Андрея.

– Чёрт, я совсем он них забыл, – В канители чувств и переживаний, Андрей престал думать о существовании своих приятелей, – после последней ссоры, мы не общались.

– Какой он странный этот Виктор.

– Странные они. Он скорее другой. Такое ощущение, будто он сошёл со страниц романа.

– Эй, ты мне такие комплименты должен делать, – шутливо обиделась Оля.

– Ну что ты. Ты будто сошла с какого-то великого полотна, – он сделал вид, что вспоминает картину, – с «Олимпии», например, – юноша взял её руку и поднёс к губам.

– Олимпия... Олимпия... Олимпия, – девушка пыталась вспомнить, – что-то знакомое.

Затем, она резко поднялась с колен Андрея, – Это же кар-

тина с проституткой! – удивлённо вскричала она и тут же рассмеялась. Взяв юношу за руку она легонько его укусила, – ну всё, я обиделась, – стараясь сдерживать улыбку, она демонстративно отвернулась.

Андрей обнял её, привлёк к себе и поцеловал в щёку.

– Так уж и быть, ты прощён, – она прижалась щекой к его плечу, – с тобой так хорошо.

– С тобой тоже, – юноша поцеловал её в шею.

– Боже мой, тут же дети ходят, – услышали влюблённые знакомый голос.

– Виктор?!

– Чего вы так удивляетесь. Я каждый гуляю в парке в это время. Так сказать, мой ритуал.

– Каждый день? – удивлённо спросил Андрей.

– С семи до восьми. По выходным тут думается лучше, чем в моей квартире. А по будням, после тяжёлого рабочего дня, мне нравится бродить в уединении, Балто.

– Балто? – переспросила Оля. Одновременно, она смотрела на Виктора с негодованием, и с некоторой долей испуга.

– Волк, который стыдится своей натуры, мадам, – Виктор обаятельно улыбнулся. Он был галантен.

– Разве ты себя стыдишься? – спросила она у Андрея, не поняв до конца суть метафоры.

Андрею показалось, что Виктор бросил быстрый взгляд, наполненный смутным предчувствием разочарования.

– Нет, тут речь о другом, – умиляясь ответу Оли, сказал

Андрей. Она взяла его за руку и улыбнулась.

Виктор фыркнул.

– Прости мою недогадливость, – она одарила его прелестной и влюблённой улыбкой.

– Недогадливость не страшный грех. Можно, например, быть верующим.

– Оля православная, – резко ответил Андрей.

– Что! – Виктор изумлённо вскрикнул. Было непонятно, возглас ли – это разочарования, изумления или похвалы.

– А что в этом плохого? – раздражённо сказала Оля. Её нервировал сам факт нахождения здесь Виктора.

– Видите ли, моя хорошая, я привык надеяться на себя, а не бородатого добряка в небе.

– Надеяться на высшие силы тоже сила.

– Силы, сила, – интересно звучит ваша тавтология.

– Это издёвка, Виктор? – Андрей стал раздражаться. Ему совсем не хотелось ссориться с приятелем, но давать в обиду Олю он не собирался.

– Отнюдь нет. Просто замечание. В любом случае, мне пора. Да, Андрей, запиши мой номер, надо бы почаще встречаться вне бара, хочу узнать тебя получше, – обращался он к юноше, но взгляд его застыл на Оле. Девушка демонстративно отвернулась.

Виктор продиктовал свой номер, медленно и чётко проговаривая каждую цифру, словно школьный учитель, повторяет правило или теорему, что бы дети её запомнили.

– Ужасный человек, – Оля прижалась к Андрею.

– Сегодня, он и вправду производил дурное впечатление.

Такое ощущение, будто у него раздвоение личности.

– Спасибо, что не дал меня в обиду, – она взволнованно посмотрела ему в глаза.

– Это мой рыцарский долг, – ответил он, всеми фибрами своего голоса, желая подбодрить и успокоить свою возлюбленную.

– Какой же ты хороший, – ответила она, и их губы слились в нежном, поцелуе, который возбуждал не тело, а душу, поцелуй на который способна только пылкая юность, сияющая идеализмом, вкупе с максимализмом.

– Вот оно счастье, – сказал про себя Андрей, глядя свою милую по волосам.

– Я окружен идиотами, – вслух сказал Виктор, удаляясь от влюбленных.

Оля ни на чём не могла сосредоточиться. Она пыталась почитать, но буквы, напечатанные на страницах, сливались в одно длинное, непонятное слово. С громким вздохом, полным раздражения, она резким движением захлопнула книгу и откинула голову на подушку. В её мозгу был только номер Виктора, который въелся как ржавчина, ещё и в душу девушки.

Сама фигура, чёрного человека не выходила у неё из головы. По словам Андрея, это мерзкий, циничный и равнодуш-

ный ко всему человек. Но с другой стороны, таких умных людей, он ещё не встречал. Вдруг это всего лишь маска? И это сердце нежное и ранимое. Что если ему нужен тот, кому он мог бы открыться, кто помог бы ему?

Девушка тут же отбросила эти мысли. Она резко встала и подошла к окну. Её пальцы, стиснули края подоконника. По телу пробежала дрожь. Сама эта мысль, уже казалась ей преступлением против Андрея, ведь она знала, как нежно он влюблён.

К тому же, вера не позволяла ей сблизиться с грешником и богохульником.

С другой стороны, она ничего не обещала Андрею. Он должен был понять, что она свободна. Она не ограничена этим человеком.

Дрожь становилась всё сильнее. Стены комнаты будто сжимались вокруг неё. Эта духота и теснота лишали лёгкие возможности дышать. Девушка жадно дышала.

Наспех одевшись, она вышла из дома. Не замечая окружающего её мира, она брела по вечернему городу.

– на небесах более радости будет об одном грешнике кающемся, нежели о девяноста праведниках, не имеющих нужды в покаянии, – она резко остановилась.

Спасти душу человека. Что может быть благородней?

Девушка издала мучительный вздох.

– Прости Андрей, есть вещи важнее, чем наши чувства, – она достала телефон, и стала вбивать до боли знакомые циф-

ры.

7.2 Гром.

– Что-то случилось? – обеспокоенно спросил Андрей, наблюдая отсутствующий взгляд Оли.

– Нет, всё нормально, – ответила, тоном, который предполагал, дальнейшие расспросы. В волнении своём, юноша не замечал, что его подруга набивает себе цену.

– Я же вижу, что тебе плохо.

– Андрей прости меня, – Оля бросилась ему на шею и рыдалась, – я не знаю, как так получилось, – причитала девушка всхлипывая.

По наитию Андрей крепко прижал к себе плачущую Олю. Смутно он догадывался, что произошло, но не хотел, чтобы Оля это проговаривала.

– Виктор... я ... мы.

Андрей, бессильно опустил руки. Сейчас ему было все равно, напряжены они или безвольно болтаются. Факт, того, что девушка, в которую он был влюблён, изменила ему с человеком, которого он начал считать своим другом ошеломил его.

– Андрей прости меня. Это всё он. Я была словно одурманена. Господи, ну скажи, что ни будь.

– Я... – он вздохнул, – я понимаю. Это он во всем виноват, – иди ко мне, – он протянул руки, чтобы обнять её.

На лице Оли появилась заплаканная улыбка. Она крепко прижалась к Андрею, словно, хотела зарыться в него.

– Ты сегодня особенно мрачный, – с участием произнесла Таня, садясь за барную стойку рядом с Виктором.

– Что-то я устал.

– Ты всегда так говоришь, – по-доброму рассмеялась девушка.

– Я окончательно разочаровался в людях.

– И что же произошло?

– Я принял одного человека за другого.

– Ты ошибся в человеке? – с удивлением спросила Таня, – сколько я тебя знаю, такого не было.

– Сам не знаю, как это вышло. Бля, – вздохнул он.

– Слушай, что-то ты сегодня уж очень потерянный, – её тонкие, идеально накрашенные брови, нахмурились, выражая своё беспокойство за друга.

– Я не могу быть грустным?

– Можешь, конечно, но ты становишься похожим на человека, – она рассмеялась.

– Верно. Знаешь, что в надежде хуже всего?

– То, что она заставляет тебя делать абсурдные вещи, лишь бы она оправдалась?

Виктор присвистнул.

– С каких пор ты стала такой умной?

– Ой, очень смешно, – девушка закатила глаза и хотела было уйти.

– Стой, извини. Это просто шутка.

Поджав губы, Таня осталась.

– Уже надоели твои шуточные оскорбления.

– Для тебя, я сделаю исключение.

– Ну-ну, – она улыбнулась, но было понятно, что девушка все ещё отыгрывает роль обиженной, – а с чего вообще ты заговорил о надежде?

– Герой моего романа подходит к точке отчаяния, когда надежды уже не остаётся. Он на шаг от пустоты, и осознавая это, всё равно не может повернуться. Сама судьба несёт его к финальной точке, а герой не может этому противиться. Он словно стоит на руинах того, что сильно любил, и сам же разрушил. Вот только ничего он не любил, и разрушать ему нечего.

Пока Виктор говорил это, Таня безотрывно на него смотрела, глазами, блеснувшими в тот момент, когда Виктор говорил слово «любил».

– Всё ещё будет, – она накрыла его ладонь своей.

– Ты кажется неправильно поняла, – рассмеялся Виктор, – это не мои переживания. Какое отчаяние, у меня есть алкоголь, шлюшки и мое творчество.

– Ой, – какие вы милые, – Влад радушно улыбался, хотя в душе его вместо музыки играла ревность. От вида руки его девушки, на руке, Виктора он разозлился не на шутку.

– С каких пор дружеская поддержка стала поводом для ревности?

– Тем более, что поддержка была ошибочной, ведь я в ней

не нуждаюсь.

– А кто сказал, что я ревную? – Влад всё так же приветливо улыбался и демонстративно поцеловал девушку в щёку.

– Знаешь же, что ненавижу, когда ты так делаешь, – вскричала Таня и быстрым шагом пошла к туалету.

Влад сел на её место и подпер голову ладонью.

– Зачем?

– Что зачем Влад? Это твоя девушка. Если и есть человек, которого я уважаю, то это ты. И ты знаешь, что уводить Таню у тебя я не собираюсь.

– Да, я знаю. Она стала такой нервной. Постоянно ссоримся. Боже, как я от этого устал, – он принялся массировать пальцами виски. После чего резко положил руки на стол, из-за чего раздался громкий хлопок. Злобно он косился в сторону женского туалета.

– Виктор! – раздался громкий возглас в баре.

В бешенстве Андрей шёл до «Оззи». От злости он сжал кулаки так сильно, что костяшки его пальцев побелели. В голове он прокручивал сотни вариантов, предстоящего разговора с Виктором. И во всех этих вариантах, он нещадно колотил своего приятеля.

Виктор не только нанёс обиду Андрею, но и обесчестил Олю. Этого он простить не мог.

– Виктор! – вскричал он, заходя в бар.

Виктор удивлённо развернулся.

– Уже? – спросил он то ли сам себя, то ли Андрея.

– Пошли на улицу!

Виктор молча встал и вышел из бара.

Как только они оказались на улице, Андрей что было сил, ударил Виктора в нос. Тот покачнулся, но всё же продолжил стоять ровно, убрав руки за спину.

Андрей обрушил на оппонента второй удар, который пришелся Виктору прямо в глаз.

– Может теперь поговорим? – спросил Виктор, потирая ушибленные места, – крепкий удар.

– О чем с тобой можно говорить? – вскричал Андрей, – зачем ты это сделал? Зачем совратил Олю.

– Я её не совратил.

– Ну давай, отмазывайся. Мерзавец! – Андрей вновь налетел на Виктора с кулаками. Виктор увернулся от удара, и резким движением схватил Андрея за шиворот футболки и прижал к стене.

– А теперь выслушай мою версию. Оля мне позвонила. Предложила встретиться. Мы погуляли, и она сама захотела секса. САМА. Я послал её ко всем чертям. С одной стороны, я преследовал свои интересы, да. С другой стороны, твои, – он отпустил Андрея, – зачем тебе нужна эта шлюха?

– Она не шлю... – Андрей задумался, – ладно, продолжай.

– Так или иначе, у вас не могло быть отношений. Они тебе и не нужны.

– И что же мне нужно?

– Узнать себя как мужчину. Хорошенько гульнуть.

– Не хочу я становиться развратником.

– Это не разврат, а средство повзрослеть. Только там можно стать мужчиной. Ты простил её?

– Да.

– Мой отец тоже многое прощал матери. А в итоге стал каблуком. Я сын своего отца, но не стал таким. Почему? Потому что я знаю себе цену? Как я это узнал? Через постель. Попробуй, и ты поймешь он чем я говорил.

Душа Андрея раскололась надвое. Одна его часть хотела вступить в эту жизнь, полную радостей и страстей. Другая же боялась этого абсолютно чуждого ему мира, который шёл вразрез с его жизненными принципами. Но глубоко уйдя в себя, юноша понял, что главный его мотив развернуться и уйти это страх. Разве не с завистью он смотрел на то, как Виктор очаровывает очередную девицу? Хотел ли он, что бы кто-нибудь смотрел на него самого как Элина на нового знакомого. Да, он хотел этого, но отлично понимал, что в нём недостаёт харизмы. Страх показаться глупым, всю жизнь сжимал его душу в тисках. Тут же на ум пришёл образ отца- слабохарактерный сорокалетний мужичок, посвятивший себя жене и чистому познанию. Когда мама Андрея ушла, в жизни папы осталось только познание. Робость этого человека была все полимеры способности человека оставить этот мир, и уйти практически в монахи.

– Раньше я любил Гарри Галлера. Пока не понял, что он

просто трус, который хотел уйти от мира. Гермина, настоящий степной волк.

– Я принимаю эту жизнь! – криком отчаяния и надежды согласился юноша.

– Ты не пожалеешь. Пошли. Там сидит роскошная девушка. Сегодня она будет принадлежать одному из нас, – Виктор похлопал его по плечу и достал сигарету.

– Хер я тебе теперь доверюсь, – прошептал Влад, который наблюдал их диалог через стеклянную часть двери.

– Ну чтож, настало время инициации, – торжественно сказал Виктор, указывая рукой на Андрея, – оба подкатим к той девушке, – он указал рукой на стройную светловолосую девушку, сидящей в противоположном конце зала, – Подходим к ней по очереди. Сначала я, потом ты. У кого получается её охмурить, тот и выиграл. Мужичкий спор, –он протянул руку Андрею.

Юноша молча пожал её. Его нутро казалось, вот-вот вывернется наизнанку. Никогда ещё он так открыто не знакомился с девушками в злых местах. Масло в огонь подливала конкуренция Виктора – человека, который чувствовал себя среди девушек, как рыба в воде. Он то и дело, вытирал ладони о джинсы, потому что ещё с детства, в периоды острого волнения, его ладони обильно потели.

– Ну, я пошёл. Андрей, сразу говорю, соглашаться на конкуренцию со мной было глупо. Надо было спорить на пиво.

Виктор прошёл вразвалочку несколько шагов, затем его походка вновь приобрела ту самоуверенность и лёгкость, с которой тот обычно ходил.

– Добрый вечер, – мягко, сказал он девушке.

– Привет, – томно ответила она, стараясь скрыть, что весьма польщена обращением к ней такого человека

– Я тут сижу с другом, и ты ему весьма понравилась. Он хороший парень, только робкий. Познакомишься с ним?

– А он такой же красавчик? – девушка бросила попытки притворяться, и стала активно флиртовать

– Ещё красивее.

– Ладно.

Виктор вернулся за стол, изображая на лице гримасу полного замешательства.

– Она сказала, что такие как я её не интересуют, а вот ты. Попросила передать, что хочет с тобой поговорить.

–Что? Я? Да ты шутишь.

– Предельно серьёзен.

– А о чем мне с ней поговорить?

– Начни разговор о музыке. Это же рок бар. Вряд ли она любит рэп или попсу. А дальше сам сориентируешься. Давай, не упускай момент.

Андрей вытер ладони последний раз, отпил немного пива, как в последний раз, и пошёл на суровую схватку со своей робостью.

– Серьёзно? Она не захотела с тобой знакомиться? – удив-

лённо спросила Таня.

– Не совсем, – улыбнулся Виктор, – я ей сказал «Я тут сижу с другом, и ты ему весьма понравилась. Он хороший парень, только робкий. Познакомишься с ним?»»

– Увёл телку, отдал тёлку, – как бы невзначай сказал Влад.

– Ты увёл у Андрея девушку? – с презрением в голосе, спросила Таня.

– Нет. Я просто проверял кое-что. Я даже не спал с ней.

– Вечно ты что-то проверяешь. словно ищешь кого-то. Люди для тебя всего лишь расходный материал для экспериментов, – ответил Влад.

– Во-первых, ты что, подслушивал? А во-вторых, тебя это не волновало, пока ты не начал ревновать ко мне Таню. Вот значит цена твоей доброты и порядочности?

– Хватит, оба, – прикрикнула Таня, – Андрей возвращается.

Лицо юноши светилось от радости. Он не прекращал довольно улыбаться, и счастливыми глазами смотрел на Виктора.

– Я взял её номер.

– Мои поздравления компадре, – воскликнул Виктор, – правильно говорят, новичкам везет, – выпьем за это!

Андрей никогда не чувствовал себя таким гордым, пьяным и счастливым. Под воздействием алкоголя, он и не заметил, как стал душой компании. Он шутил, рассказывал интересные истории, объяснял суть педагогики.

– Скоро закрытие, вы платить будете? – Элина подошла к их столику.

– Да, будем, – сказал Андрей, впервые обращая внимание, какая у Элины большая и красивая грудь. Он почувствовал решительное шевеление между ног, и какое-то смутное шевеление в душе, – ты хочешь, что ни будь? – спросил он уже не робко, как обращался к ней раньше.

– Конечно хочу.

Андрей протянул ей деньги.

– Благодарствую, – со смехом сказала она, смотря на Виктора. Тот решительно ей кивнул, словно отдавая приказ.

– Слушай, Виктор говорил, ты здесь частенько ночуешь. Можешь сегодня переночевать у меня.

– Отлично, забились. Вместе такси поймаем тогда.

– Отлично, – Андрей обаятельно улыбнулся. Он напрочь забыл об Оле, и её предательстве. Единственное, о чём он думал, это две потрясающие округлости Элины.

– Ну а мне пора домой, – казалось, Виктор и вовсе не пил. Никаких изменений координации, речи или поведении.

В такси, Андрей успел слегка протрезветь, и перспектива ночующей у него Элины перестала казаться такой радостной. У него не было полового контакта с едва знакомой девушкой. Единственные «взрослые отношения» у него были с бывшей девушкой, с которой они расстались пару месяцев назад. Он знал, чего она хотела, но тут его ждала неизвест-

ность. Скорость, позы и иные предпочтения Элины были для него тайной окутанной мраком. Заговорить об этом значило показать, свою неопытность. Неизвестно, не повернула бы девушка бы обратно в бар. Из-за столь бурного переживания, Андрею показалось, что он влюбился в бармена.

Хотя бы об одном, юноша не волновался. Его отец уехал в командировку как минимум на неделю.

– Остановите пожалуйста здесь, – сказала Элина таксисту, когда они проехали магазинчик разливного пива, – тебе что ни будь взять?

– Да... нет. Купи полторашку.

Элина посмеялась, но тактично промолчала. Стоя в магазине, в ожидании пенного, надеялась, что Андрей не девственник, так как ей хотелось получить удовольствие от ночи. Впервые за всю её жизнь, половой акт, был следствием «приказа» от другого человека. Как бы девушка не старалась, она не могла понять, в какой период их общения с Виктором, она полностью попала в его сети.

Как только входная дверь закрылась, юноша, из-за перепомявшего его волнения и страха, решил перейти в решительное наступление. Он обнял Элину за талию, резко привлёк к себе. Но посмотрев в её прекрасные, голубые с серым оттенком глаза, замедлился. Ему показалось, что никогда ещё он не видел более честных, и открытых миру глаз, чем её, полных страсти и вожделения. Всегда Андрей отно-

сился к Элине, как к бармену, человеку, который наливает ему алкоголь в «Оззи», но сейчас, он увидел в ней не просто девушку, но прекрасную девушку, с чарующими глазами, открытых запретному миру абсолютного, сексуального гедонизма.

Элина в свою очередь тоже была заморожена взглядом Андрея. Давно, никто не смотрел на неё так нежно и восторженно. Либо её воспринимали как всегда доступную, либо бармена. Его глубокие, тёмно-карие глаза обволакивали её своей покорностью.

Наконец, Андрей продолжил своё наступление, и страстно поцеловал её в губы. Никогда прежде юноша не получал столько удовольствия от поцелуя. Эти губы уносили его в особый мир поэзии, настолько чистый и непорочный, что сама идея монастырей казалась пошлостью. Он аккуратно положил руку на её грудь, но жар отходивший от неё разгорячил его, и одним рывком руки он сорвал с неё футболку. Губами он спускался от щёк к шее, и от шеи к груди. Когда он снял с неё бюстгальтер, его дух захватило, от объема её прелестей. Даже её полные руки и живот, не смущали юношу. Он был подвластен чарам тех чувств, которые рождаются во время слияния двух тел. Эта была ночь восторга.

7.3 Грибной дождь.

Когда Андрей проснулся, то обнаружил, что лежит в кровати один.

– Неужто это был сон? – вскричал он в испуге. Эта чудесная ночь, не могла быть иллюзией.

– Чего там говоришь, – слышался знакомый голос из его кухни.

Андрей облегчённо повалился на подушки. Мир вокруг него плыл, голова гудела, а пить хотелось настолько, что казалось он провел ночь в пустыне, но оно того стоило. Никогда ещё юноша не получал столько удовольствия от близости с девушкой, как вчера.

– Вставай давай, я нам завтрак приготовила.

Андрей удовлетворённо улыбнулся. После вчерашней ночи, он стал чувствовать себя несколько иначе. Состояние свободного паденья, нашедшее физическое воплощение в Элине и увлёкшее всё его существо, казалось ему более достойным человека, нежели все эти нежности с Олей, которые оказались лицемерными. Да будет так. Обучившись любовному ремеслу, он сможет встать на уровень любви-искусства, и обрести истинное счастье с женщиной, включавшим в себя как телесные, так и духовные аспекты.

– Я кому сказала вставай, – шуточным приказом окрикнула его девушка.

– Всё, всё, встаю.

На кухне его ожидал женский уют, по которому комната истосковалась после ухода матери. Нельзя сказать, что Андрей и его отец были нечистоплотны, или настолько рассеяны, что забывали убираться, но обычно, мужчина, не испытывает такой потребности в красоте уютной, которую испытывают иные женщины.

Андрей внимательно оглядел девушку. Её, потерявшие цвет фиолетовые волосы, пирсинг, кольца в губе, широкие тоннели, не вязались, с этой уютной обстановкой домашнего завтрака.

– Странно, видеть тебя в роли хозяйюшки.

– Да, все так говорят по началу. Ты же панкуха, и должна жить в грязи не менять одежду по месяцу. От части, это привычка. Когда отец от нас ушёл, все хозяйство было на нас с сестрами. По крайней мере, когда у маман были обострения. Кроме этого, уют заставляет меня чувствовать, что я дома. Когда я однажды проснулась, от того что мама стояла с ножом над моей кроватью, дом перестал быть мне родным. Твоя квартира сейчас для меня, как горстка земли у древних мореплавателей. Обычно, после этих слов, мне говорят, «Вау, ты что не такая тупая», – она рассмеялась.

Андрей молча слушал, поражаясь, каждому её слову.

– Ты, можешь пожить у меня неделю. Квартира маленькая, но лучше, чем ночевать в баре. Отец вернется из командировки в субботу.

– Вот только не порть всё жалостью.

– Нет, – вскричал Андрей, расстроившись, осознавая, как звучат его слова, – я хочу что бы ты пожила со мной. Так хорошо... мне еще ни с кем не было, – он стыдливо опустил глаза.

Элина подошла к нему и поцеловала в щёку.

– есть давай, я голодная пиздец.

– И не говори.

– Слушай, а ты что не материшься?

– крайне редко.

– Ммм, интеллигенция.

– Если этот сарказм нацелен, на обрюзгших стариков, которые кичатся тем, что они богаты, или получили образование ещё при совке, то нет, я не интеллигент.

– А они бывают другие?

– Да. То есть нет. Это вообще не интеллигенция. Это называется снобизм.

– Да, вы точно похожи.

– Я и Виктор?

– Ага. Ты будто его брат близнец, только добрый.

– Надеюсь, что нет, – усмехнулся Андрей. Может он и стал в некотором смысле учиться у Виктора, но полностью стать его учеником или антиподом ему не хотелось.

Глава 8. Адвокат дьявола.

Неделя чудесно струилась сквозь берега жизни Андрея. Днём, пока Элина не уезжала на работу, объясняла секреты женского организма, а ночью по её возвращении Андрей применял теорию на практике. Он чувствовал, как с каждым днём становится смелее и увереннее в себе. Тогда до него и стала доходить причина, по которой он любил уединение – страх. Если тогда мир неосознанно казался ему чем-то страшным, «свободная любовь» развратом, а вечера в барах беспутством, то теперь всё заиграло новыми красками. Получив все необходимые автоматы в университете, он с головой отдался в новый мир, напрочь забыв о старом, который в свою очередь дал о себе знать.

Спустя три недели молчания, ему написал Данил, с просьбой встретиться.

С какой-то ленивой отзывчивостью, юноша согласился и наспех одевшись, вышел из дома.

Там его уже ждал взволнованный Данил, казавшийся неумелым актёром, отыгрывающим волнение в дешёвой пьеске.

– Давно не виделись.

– Да. Что случилось?

– Ты же помнишь, как смазано мы простились последний раз?

Андрей снисходительно улыбнулся. В этой улыбке не было ни раздражения, презрения или насмешки, только жалость.

– Я так и не рассказал Маше. Хочу, чтобы ты был с нами. Как там у вас с Олей кстати?

– Так, что Элина из Оззи поселилась ко мне на неделю, – Андрею доставляло удовольствие красоваться перед другом.

Данил многозначительно промычал что-то.

Шли до назначенного места они молча. Сессия была сда-на, читать Андрей забросил, а иных точек пересечения у парней не было.

– Маша, как бы тебе сообщить, – стал мямлить Данил, перед взволнованной подругой, которая нервными движениями доставала сигарету из пачки.

– Он поцеловал Веру, – резко сказал Андрей, которому стала невыносима эта, пропитанная лицемерием сцена.

– Что! – Вскричала Маша? – Как ты мог?

– Я сам не знаю, что на меня нашло. Этот Виктор. Господи, мне так стыдно.

– И что дальше было?

– Я ушел, и больше её не трогал.

– Правильно сделал, хоть на что-то мозгов хватило, – зло вскричала, Маша, – ну молодец, поздравляю! Что я ещё могу тебе сказать?

– Ты же не прекратишь со мной общаться?

– Нет, но нужно время, чтобы принять тебя.

– Я понимаю, что сделал очень плохую вещь.

– Вы послушайте себя, – с ужасом вскричал Андрей, – О чем вы говорите. Не зная контекста, я бы подумал, что ты изнасиловал кого-то! Ты просто поцеловал девушку. И три недели не находишь себе места. Ты должен был догадываться, что тебе будет так стыдно. Не надо всё на Виктора спихивать. Господи, ты же хотел этого. Она же не в браке, мать её. Она бы бросила свою девушку и жили бы вы счастливо. Но нет, ты решил терзать себя. Знаешь, что? Ты просто не хочешь быть счастливым. Тебе нравится страдать, изображать жертву и выдумывать какие угодно отмазки лишь бы казаться слабым. Конечно, с несчастного взятки гладки! Пожалейте меня, я жертва обстоятельств, – от столь пылкого монолога, Андрей начала задыхаться.

– Может ты у нас такой нигилист, который ни во что не ставит чувства других, но для нас, – интонация позволяла понять, что «для нас», это для людей нормальных, – это важно, с каких пор ты вообще стал подпевалой Виктора? – стала кричать Маша.

– А с каких пор, ты подпевала трендов? – не стерпел Андрей, – нравится топить за геев, черных, и толстух? Или нравится быть с кем-то. Вернее, быть кем-то. Ты никто. Пустота. А «защищая» права других, твоя жизнь приобретает смысл?! Так получается? Нет, не хочу я с вами разговаривать. Я заболел, мне нужно домой.

Андрей быстрым шагом, побрел прочь, оставляя друзей смотреть ему в спину со злостью и удивлением.

Но не успел он пройти и десяти шагов, как на пути у него возникла Оля.

– Господи ты боже мой.

– Не упоминай имя его в суете, – с нежной улыбкой сказала она. Она часто в шуточной форме упрекала его за такие выражения.

– Чего ты хочешь?

– Поговорить. Ты вроде прощаешь меня, потом забываешь о моём существовании.

– Клуб любителей обвинять Виктора позади меня. А я спешу. Мне нужно купить кое-какие продукты к возвращению Элины, – солгал он ей. От злости, его почти трясло, но большим усилием воли, он подавил дрожь, и придал своему поведению вид крайней непринуждённости.

– Элины? – растерянно переспросила Оля.

– Бармен из Оззи.

– Но ты же сам говорил, что она шлю... блудница.

– Да, тебя этим напомнила, – Андрей подчинил свои губы, и заставил их растянуться в невинной улыбке.

– Но я же сказала, что это всё он.

– Клуб любителей обвинять Виктора позади меня, – он вздохнул, – прости меня, но я просто не хочу с тобой общаться. По крайней мере не сегодня.

Влад сегодня, был пьянее обычного. Никто в Оззи, кроме живущей с ним Тани, не видели его настолько пьяным.

– Слушай, Виктор, – он говорил медленно, с трудом подбывая слова, – помнишь, я говорил, что люди для тебя лишь расходный материал?

– Да.

– А Элина тоже. А? Радость твоя Элина.

– Какая разница.

– Да ты посмотри на неё, – он гневно указал на Элину, стоявшей за барной стойкой, – она же без ума от тебя. Смотрит как собачка на тебя. А ты при ней других баб кадришь, едешь ебаться с ними, когда она просит тебя «побудь ещё со мной».

– Хватит, – спокойно сказал Виктор. Ты пьян.

– Нет черт подери. Я тебя знаю. Я тебя знаю очень хорошо. Ты можешь сделать всё что угодно.

– Нихрена ты меня не знаешь. Не собираюсь я Таню у тебя уводить. Вон она, идёт, возьми себя в руки.

Таня села к Владу. Молодой человек, нагло обнял её, обозначая свою собственность.

– Не обнимай так меня, – прошипела Таня, змеиным движением, стряхивая с себя руку возлюбленного.

– А что такого? Я просто тебя люблю, вот и всё.

– Ну и я тебя люблю, но это не значит, что я могу вот так делать.

– Да как?

– Как я не люблю.

– Биба и Боба два... – отшутился Виктор.

– Да, ты прав. Вернёмся к Элине.

– Да что он тебе скажет то, – крикнула Элина из-за барной стойки.

– Почему он так издевается над тобой.

– Боже мой, – вздохнул Виктор.

– Я бы вот себе не позволил себе так обращаться с девушкой. Кого ты вообще любишь? Своих родителей ты посыпаешь трёхэтажным матом, сестру за человека не считаешь. Элину используешь из-за доступности. Может, ты как ребёночек свой идеал ищешь? Да и вдруг, вдругууг, ты кого-то полюбишь? Что ты можешь дать человеку, кроме своей злобы? И идиотских книжек. Мы знакомы уже год, а ты и страницы не показал. Стесняешься? Может боишься дерьмо показать...

– Хватит я сказала, – закричала Таня. Её лицо исказила гримаса злости. Дышала она часто и прерывисто. Ты обещал не закатывать истерик на фоне ревности. Ведь полгода всё нормально было. И тут бац, опять. А что это за открытое платье? А почему ты ему улыбнулась. Почему ты обнимаешь свою подругу? Влад... Всё, пошли домой.

– Никуда я не пойду, мне ещё играть!

– Ты пьян!

– Ну ладно, ладно, только ради тебя, – он нагло улыбнулся

и поплёлся к выходу.

Таня, как в лихорадке, поднималась по ступеням, мало-знакомого ей подъезда. Её лёгкие будто горели огнем, а ноги, с каждой ступенькой, заявляли о нарастающем нежелании идти дальше. Будто сам организм сопротивлялся, решению её души.

Немного отдышавшись, она продолжила своё восхождение.

– Сорок три, – прошептала она, задыхаясь и постучала в дверь.

Она открылась, и девушка увидела ошеломлённого Виктора.

– Я не могу с ним... я хочу к тебе... тебя, – с надрывом сказала она, и бросившись на грудь Виктору стала глухо, но отчаянно рыдать.

Глава 9. Чёрный принц.

Ближе к утру, Таню, разбудил громкий вздох, резкий подъём туловища Виктора на кровати.

– Что случилось? – взволнованным, но всё ещё заспанным голосом спросила она.

– Сон. Снова кошмары, – он встал с кровати, достал сигареты, и закурив, стал жадно вдыхать никотин.

– Что тебе снилось?

– Деревня. Место, где я рос. Там был дом бабушки и дедушки. Мне часто снится, что я там гуляю, или сижу их доме. Сегодня там был Влад. Вместо его глаз были дыры, из которых хлестала кровь, – он затаился, – жуть. А ещё там был мальчик. Низкий, тощий. У него не было двух передних зубов. Он смотрел на меня и плакал. Но при этом смеялся. Хохотал как бешенный.

– Ложись ко мне. Нужно ещё поспать .

Докурив сигарету, Виктор лёг, и обнял Таню.

– Я буду оберегать тебя от дурных снов, – она поцеловала его в лоб.

Окончательно проснулись любовники ближе к обеду. Таня прижалась к Виктору, желая ещё понежиться в кровати. После вчерашней ночи, она влюбилась в него по уши. Он будто понимал язык её тела, и был в состоянии точно опре-

делять, и ублажать её желания.

– Приготовь пожалуйста завтрак, – сказал он сухо, – мне надо работать.

– Ехать на работу?

– Писать.

– Ладно, – сухо ответила Таня. Её задело, что всё идёт не по её сценарию. Своей репликой, она как бы дала шанс молодому человеку одуматься, но это было тщетно. Виктор продолжал, не шевелясь смотреть в потолок.

– Ты великолепна, о Клеопатра, – сказал он мягко, когда девушка оделась и собиралась выйти из комнаты.

Девушка оттаяла, и послала Виктору воздушный поцелуй.

Во время приготовления завтрака, Таня нашла на обеденном столе, белый конверт. Любопытство, чувство, которое сильнее этики и чувств, взяло верх, и она достала содержимое конверта. Там лежала пачка фотографий. Достав одну, она поняла, что это детские фото Виктора и его сестры.

– Не надо, – спокойно, но холодно сказал Виктор.

Он подошёл к Тане, забрал у неё конверт и выкинул в урну.

– Что ты делаешь? – Таня поразилась, такому жестокому и циничному отношению к фотографиям, как к воплощению памяти.

– Родители вчера отдали. Думали, что меня это растрогает. Я не люблю фотографии. Они воскрешают прошлые жизни, а что умерло, должно таковым и оставаться.

– Тот мальчик из твоего сна, похож по описанию, на тебя на этой фотографии.

– Вчера я украл тебя у Влада, и смотрел эти фото. Отложилось в памяти вот и всё. Спросонья я впечатлительный. Не обращай внимания.

– А что ты сейчас пишешь?

– Пламя и тень. Но прости, показывать я не буду, он ещё не готов. Ещё чуть-чуть.

– Я могу тебе, чем ни будь помочь?

– Не отвлекай, – Виктор поцеловал её в щёку, – давай завтракать.

Денис никогда ещё так нервничал перед выступлением. Мало того, что это было последнее выступление в школе искусств, так ещё, он должен был показать высший класс актёрского мастерства перед родителями, чтобы те, наконец, поняли, что театр его жизнь. Не в философско-метафорическом смысле Шекспировского афоризма, а в самом прямом значении. Юноша не мог жить без выступлений. Надевая на себя роль, как пуховик в холодную зиму, он не чувствовал холода жизни. Денис был согрет, изнурительной подготовкой к роли, продумыванием мизансцен и желанием выразить старые образы в новом понимании.

«Моцарт и Сальери» должна была стать квинтэссенцией четырёх лет его обучения в театральном отделении детской школы искусств. Юноша блестяще знал слова, позы, жесты,

но он никак не мог выбить из себя слезу. В конце, когда Сальери оплакивал Моцарта, он только говорил, что оплакивает, но глаза его были сухими.

Из-за кулис, Денис незаметно выглянул, смотря в зал. В основном там сидели родственники и друзья его одногруппников, преподаватели других отделений, и реже всего случайно забредшие зеваки, любящие театр, но не любящие за него платить. Среди немногочисленной публики Денис нашёл своих родителей и Женевьеву. На последнем ряду, видимо, чтобы не смущать благочестивых родителей, сидела Елена. Увидев её, он заволновался ещё больше.

– И зачем только я её позвал? – ругал себя Денис, – главное не облажаться.

До выхода осталась пара секунд. Внутри у юноши все сжималось. Страх бороздил сквозь диафрагму. Три. Два. Один. Громкий выдох.

Как только юноша вышел на сцену, страх ушёл. На сорок минут тело Дениса, заняло сознание Сальери.

Прочитывая его монолог, юноша смотрел в зал, как бы вопрошая не сам себя, а зрителей. На миг, его взгляд пересёкся со взглядом Елены. Никто ещё не смотрел так на юношу.

Девушка, чуть наклонилась вперёд, выражая тем самым неподдельное переживание за героев. Глаза Елены были нацелены на юношу. Она с жадностью внимала каждому его слову, жесту или шагу. В этих больших, природно-зелёных глазах искрился восторг. Никогда ещё зритель не давал та-

кой отдачи Денису.

– *Эти слёзы впервые лью, – и вдруг из глаз юноши показались слёзы, – и больно, и приятно, как будто тяжкий совершил я долг,* – сдерживая внутри неподдельные рыдания, клокотавшие в тесной груди. Если раньше приходилось делать усилия, чтобы выжать из глаз одну капельку, то теперь усилия прилагались что бы не дать Сальери полностью излить душу перед своим врагом, которого он и оплакивал.

Юноша всецело чувствовал себя самим Дионисом. Он будто взобрался на Олимп, и боги наделили его не просто актёрским талантом, а самым настоящим даром. Бурные овации во время поклона труппы, лишь подкрепили в нём это чувство.

– Разве не это моя судьба? – гордо вскричал Денис родителям, когда выступление закончилось.

– Действительно, это было весьма недурно, – одобрительно подтвердила мать, – я тут подумала, что нельзя отрывать тебя от сцены.

Юноша начал широко улыбаться.

– Я поговорила с одной знакомой, и та рассказала, что в медицинском есть любительский театр, где ты спокойно можешь играть.

У юноши закружилась голова, от такого разочарования. Он невольно сделал два шага назад. Но вдруг, как будто забытое воспоминание из детства, он вспомнил тот момент, когда Денис-Сальери плакал. Никогда ещё он не был так

смел, обаятелен, горд и конечно же счастлив в своих глазах.

– Я не пойду в мед, – тихо сказал он, опустив глаза.

– Что?

– Я пойду в театральный. Я буду делать то, что хочу я.

– Хватит. Мне надоела твоя меркантильность. Ты поступишь туда, куда скажу тебе я! – вскричала его мама.

– Нет, – твёрдо ответил юноша, смотря матери прямо в глаза. В этот момент, эти глаза, походившие на Сциллу и Харибду, не пугали юношу. В душе он даже усмехнулся, тому, что он всегда боялся этих глаз.

– Мы поговорим дома, – прошипела Мама, чтобы выразить свою злость, но не устраивать громких сцен на публике.

– Нет, – Денис улыбнулся, – мне нужно идти.

Быстрым шагом он направился к выходу из концертного зала, чтобы нагнать Елену. Юноша не знал точно, что он ей скажет, но был уверен, что он должен сказать ей хоть слово.

Глава 10. Рок-н-Ролл мёртв.

Прошла неделя, с тех пор, как Таня в слезах пришла в мрачную обитель Виктора. Это событие изменило её представления об отношениях с мужчиной. Если Влад, всегда ставил её на первое место, и старался уделять ей своё свободное время, то Виктор, оставался фигурой эгоцентричной.

Почти всё свободное время он уделял своему роману, который ни при каких условиях не соглашался ей показывать.

Такой расклад совершенно не устраивал, ведь Клеопатре нужны внимание и забота. У девушки оставалась одна надежда. Когда Виктор закончит своё детище, то обязательно, издатели оторвут его с руками и ногами, ведь, по словам молодого человека, это будет литературный взрыв. Самое громкое событие, после «Преступление и наказание» и «Война и Мир».

Когда её новый мужчина, обретёт свободное время, известность и деньги, то всё это он будет тратить лишь на неё. Она станет его музой, спутницей по жизни и обретёт статус «девушки известного писателя». Подобно Зельде, она обретёт мужа, богатство и славу. Вот только поверхностное суждение о семье Фицджеральд, не дало ей знаний о подводных камнях эксцентричной парочки.

Но что ей действительно доставляло удовольствия, так это поддерживать его в свободное время. Она видела, или дума-

ла, что видела, как страдал молодой человек, во время написания своего труда. Он ломал ручки, яростно кликал по кнопкам нетбука, вздыхал и стонал. Часто, она обнимала его, кладя голову на плечо. Он целовал её руку, покоящуюся на его плече и говорил

– Как я устал.

Она молча наблюдала, как он извлекал из ничего, из абсолютной пустоты буквы, в пляске которых образовывались новые слова, являвшие собой чудо рождения жизни. Его книга была живым существом, которая была бы холодным мрамором, как Галатейя, если бы Виктор, не окроплял свой нетбук кровью души. Иногда Тане казалось, что с каждым ударом пальца по клавиатуре, он оставляет в документе свои жизненные силы.

Такое поведение, казалось Тане помешательством, лишённым перспективы и смысла. Но, как и в его успех, она верила, что после написания труда, он излечится. Излечится пусть не ради себя, но хотя бы для неё.

Во время очередного завтрака, Виктор казался Тане бодрее чем обычно.

– Хорошо, что ты сегодня в хорошем настроении. Может прогуляемся сегодня, а то я устала сидеть в четырёх стенах.

– Я почти закончил вторую часть. Вторую из трёх. Закончу третью, обязательно сходим, куда ни будь.

– Я понимаю, что тебе тяжело, но подумай и обо мне. Я целую неделю сижу дома, выполняю роль кухарки. От тебя

и доброго слова не дождёшься.

– Хмм.

– Информативно.

– Прости, я задумался. Прости, да. Сегодня вечером пойдем, выпьем. Прости мой ястреб.

Виктор обнял её за плечи. Девушка поцеловала его в щеку.

Сообщение, пришедшее на телефон Тани, нарушило нарастающую идиллию.

Лицо девушки моментально изменилось. Она раскрыла рот, в немом крике. Её глаза округлились, от ужаса, боли и раскаяния. Дрожащие руки, дёргались, словно пытались объяснить то, что губы были не в силах.

– Влад... Влад, – она упала на пол и зарыдала, – он повесился.

– *Рок-н-ролл мёртв, а я ещё нет*, – ответил он в полной растерянности.

– Что? Человек мёртв, мы его убили.

– Он не должен был...

– Да что ты такое говоришь. Как будто всё это часть твоего плана. Это не очередная твоя затея. Это жизнь. Это смерть, – взвизгнула она в истерике, – я убила его. И ради тебя! Я всё бросила, ради тебя. Что бы спасти тебя из твоего...

– Да с чего вы взяли, что нужно меня спасать! Я не нуждаюсь в вашем спасении. Жалкий идиот. У него не хватило мужества даже перенести твой уход. Блять! Вы все ничтож-

ны. Мы все! Ни ты, ни я, ни даже смерть Влада не имеет значения! Всё что значимо это Пламя и Тень. Я обязан писать. Вот почему все неважно. Мне... – он сменил тон, на спокойный, – я на прогулку. Вернусь как обычно в семь. Прости. Поговорим вечером.

– Всё неважно? Я неважна? Посмотрим на это. Что ты скажешь после этого, – шептала себе, выходя из аптеки, с пачкой снотворного Таня.

Часы показывали шесть тридцать. Через тридцать минут придёт Виктор, увидит её с пустой пачкой таблеток, и кинется делать всё, чтобы спасти её. План безупречен. Шесть сорок. Пора пить таблетки. Семь. Его нет. Где же он?

Паника охватила Таню. Она хотела встать, чтобы побегать в туалет, но силы отказали ей.

Как же хочется спать. Нужно дойти до унитаза. Пальцы в рот, и я жива. Пальцы в рот, и я жи... Пальц...

Темнота.

– Прости я задержался, – сказал Виктор, открывая дверь в квартиру, – Таня?

Он прошёл по коридору, и увидел лежащее, около дивана.

– Нет. нет!

Он осмотрел тело, на наличие признаков жизни, но их не было.

– Вы должны были вернуться друг к другу. Вы простили бы друг друга.

Он отскочил от тела и резко развернулся

Его взгляд остановился на зеркальной дверце шкафа, где он увидел своё отражение.

– *Есть только ты, Калигула!* – взревел он, яростно разбивая кулаком стекло.

Конец первой части.